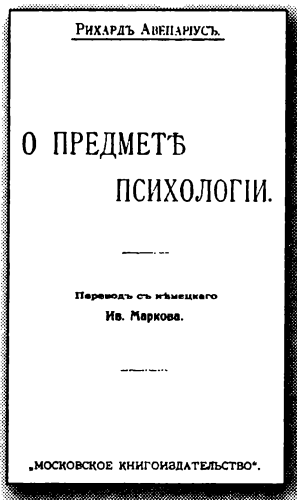

Академия Фундаментальных Исследований

Рихард Авенариус О ПРЕДМЕТЕ ПСИХОЛОГИИ

Перевод с немецкого И. Маркова

Издание второе, стереотипное

УРСС
Москва • 2003

Авенариус Рихард

О предмете психологии. Пер. с нем. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 88 с. (Академия фундаментальных исследований: философия.)

ISBN 5-354-00113-7

Автор этой книги — известный швейцарский философ, профессор Цюрихского университета Рихард Авенариус (1843–1896), один из основоположников эмпириокритицизма.

Эмпириокритицизм (что означает «критика опыта») свою задачу видит в том, чтобы очистить опыт, выявить содержание «чистого опыта», свободного от посторонних привнесений. С этой точки зрения автор рассматривает развитие определения предмета психологии — от наивно-эмпирической фазы, определявшей психологию как «учение о душе», до так называемой эмпириокритической фазы. В этой фазе на пути очищения опыта Р.Авенариус видит препятствие в виде интроспекции, под которой он понимает процесс приписывания другим людям восприятия окружающих вещей и «вкладывания» этих чувств и мышления в других людей. Отвергая теорию интроспекции, автор выдвигает концепцию «принципиальной координации», используя которую, он дает ответы на вопросы о предмете психологии.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Лицензия ИД №05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 03.03.2003 г.

Формат 60×90/16. Тираж 1000 экз. Печ. л. 5,5. Зак. № 52

Отпечатано в ГУП «Облиздат». 248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

ISBN 5-354-00113-7

	ИЗДАТЕЛЬСТВО
	УРСС
	НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Internet: http://URSS.ru Тел./факс: 7 (095) 135-44-23 Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

© Перевод с немецкого:
И. Марков, 2003
© Едиториал УРСС, 2003

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Вступительное замѣчаніе.	5
I. Наивно-эмпирическая фаза.	6
А. „Душа“ какъ предметъ психологіи	—
В. „Душа“ какъ предметъ опыта	—
II. Наивно-критическая фаза.	7
А. „Психологія безъ души“.	—
В. Предметъ психологіи по исключеніи „души“.	8
Первая группа опредѣленій предмета.	—
Вторая группа опредѣленій предмета.	—
Третья группа опредѣленій предмета.	9
III. Эмпириокритическая фаза	10
А. Предметъ психологіи при воздѣйствіи интро- екціи	—
1. Первоначально находящаяся и гипотетическая составныя части естественнаго понятія о мірѣ.	—
а. Главныя составныя части первоначально находя- маго	—
б. Содержаніе гипотезы, включенной въ естественное понятіе о мірѣ	14
2. „Внутреннее“ какъ предметъ психологіи	18
а. Содержаніе интроекціонистическаго допущенія есть принципіально иное, чѣмъ содержаніе включен- ной въ естественное понятіе о мірѣ гипотезы	—
б. Интроекціонистическое допущеніе какъ неправиль- ное заключеніе	23
с. Интроекціонистическое допущеніе какъ извращеніе опредѣленія предмета психологіи	26
В. Предметъ психологіи по устраненіи интро- екціи.	30
1. Опытъ какъ предметъ психологіи	—
а. Опытъ какъ „полный“ и какъ „частичный“ опытъ.	—
б. Опытъ какъ зависящее отъ индивида.	40
с. Опытъ какъ зависящее системы С	47
2. Предметъ эмпирической психологіи и понятіе метафизическаго дуализма.	49
а. „Полный опытъ“—ни „Физическое“, ни „Психическое“	—
б. Отличіе „ощущающаго“ отъ „лишеннаго ощущенія“	53
с. „Оскова“ Психическаго.	58
д. Дуализмъ „Физическое—Психическое“ и „паралле- лизмъ“.	62
е. Обозначеніе предмета психологіи	64
3. Объемъ включенной въ естественное понятіе о мірѣ гипотезы.	67
а. Смыслъ и формулировка вопроса объ объемѣ.	—
б. Опредѣленное измѣненіе системы С какъ непосред- ственное условіе	71
с. Отношеніе системы С къ первоначально „безжи- зненной средѣ“	75
д. Отношеніе первоначально „безжизненной среды“ къ системѣ С	80

Вступительное замѣчаніе¹⁾.

1. Опреѣленіе предмета психологіи всегда было, какъ и въ другихъ наукахъ, функціей общаго содержанія философскаго мышленія,—опреѣленіе общаго содержанія философскаго мышленія всегда было функціей «прогрессирующей элиминаціи»²⁾. Въ развитіи, которое прошло, такимъ образомъ, до нашего времени определѣніе предмета психологіи, въ общемъ легко можно различить три фазы, которыя мы хотимъ обозначить какъ:

наивно-эмпирическую фазу,
наивно-критическую фазу и
эмпириокритическую фазу.

¹⁾ Въ этомъ сочиненіи—и пожалуй въ томъ или другомъ отношеніи особенно—въ первую линію и преимущественно должно излагаться не иное, чѣмъ что въ моей «Kritik der reinen Erfahrung» (а также и въ «Menschlichen Weltbegriff»), но излагаться должно иначе.

Въ «Kritik»'ѣ для меня было важно дать, насколько это было для меня возможно, методологическія мысли: прежде всего разсмотрѣть встрѣчающіяся измѣненія въ состояніи центральнаго нервнаго органа сами по себѣ и возможно чисто лишь проанализовать ихъ,—а потомъ определѣть Е—значенія, т. е. содержанія одновременныхъ имъ высказываній, относящихся къ этимъ измѣненіямъ состоянія какъ «обусловленные». Что я имѣлъ въ виду достигнуть методомъ изслѣдованія Kr. d. g. Erf., здѣсь нечего объяснять, но я упомяну здѣсь о томъ многократно сдѣланномъ наблюденіи, что этотъ не всѣмъ обычный методъ кажется создающимъ большія трудности для пониманія ея результатовъ.

Устранить, насколько возможно, такія встрѣчающіяся трудности въ этомъ, иногда подвергающемся нареканіямъ, пунктѣ и есть ближайшая и главная цѣль послѣдующихъ, впрочемъ совершенно безпритязательныхъ, замѣчаній. Во вторыхъ и на ряду съ этимъ по мѣстамъ не будетъ исключаться и скромное дальнѣйшее развитіе систематической мысли эмпириокритицизма.

²⁾ Сравни мою «Kritik der reinen Erfahrung» I., § 432, II., § 1006 и слѣд.

I. Наивно-эмпирическая фаза.

A. „Душа“ какъ предметъ психологіи.

2. Первоначально предметъ психологіи есть «душа». Психологія есть, еще въ необезсвѣченномъ смыслѣ, «ученіе о душѣ».

«Психическое» есть, еще въ необезсвѣченномъ смыслѣ, то, «что принадлежитъ душѣ».

B. „Душа“ какъ предметъ опыта.

3. Я называю эту фазу опредѣленія предмета психологіи «наивно-эмпирическою» потому, что ея главныя ученія проистекаютъ изъ наивнаго (примитивнаго) опыта. По крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что ихъ можно свести приблизительно къ слѣдующимъ положеніямъ:

- 1) Душа есть субстанціальный принципъ жизни, движенія, ощущенія.
- 2) Душа пространственно отдѣлима отъ тѣла ¹⁾; она можетъ существовать въ тѣлѣ или безтѣлесно, а слѣдовательно какъ послѣ, такъ и до тѣла.

4. Содержаніе этихъ положеній первоначально было «опытомъ». Если бы вообще дикарь понималъ выраженіе «психологія», то онъ по всей вѣроятности подразумѣвалъ бы подъ нимъ все, чему научалъ его о «душѣ» «опытъ» (это возможно и въ формѣ традиціи). И если бы мы перевели на нашъ языкъ основныя положенія его (эмпирическаго) «ученія о душѣ», то мы неожиданно получили бы вышеупомянутыя положенія.

¹⁾ Она даже оказывается реально отдѣляющеюся отъ тѣла раньше, чѣмъ она могла быть отличаемою отъ тѣла, какъ нѣчто, «совершенно иное», отвлеченно. Сравни мое сочин. «Der menschliche Weltbegriff», § 58 и слѣд.

5. И все, что «ученіе о душѣ» — въ необезсвѣченномъ смыслѣ слова — полагало главнымъ содержаніемъ насчетъ «души», было этими положеніями, или модификаціями ихъ, съ высшей точки зрѣнія несущественными.

II. Наивно-критическая фаза.

А. „Психологія безъ души“.

6. Насколько различно еще и теперь философія можетъ мыслить о *существованіи* «души» (въ смыслѣ, указанномъ въ § 3), настолько она можетъ быть согласной и на исключеніе «души» изъ предметовъ *непосредственнаго опыта*.

Этой элиминаціей началась вторая фаза опредѣленія предмета психологіи, — по выраженію отмѣченному Фр. Альб. Ланге ¹⁾ «психологія безъ души». Эта вторая фаза можетъ быть названа «наивно-критическою», ибо хотя она и является «критическою», поскольку она уже не трактуетъ «душу» какъ «опытъ» и слѣдовательно поскольку сама она есть именно *эмпирическая психологія*, уже не считаетъ ее «предметомъ»; но — и «наивной», поскольку основныя понятія, съ которыми она критически оперируетъ, сами все-таки еще коренятся вполне въ наивно-эмпирической почвѣ ²⁾.

7. Какъ только психологія исключила «душу» изъ круга предметовъ своего собственнаго изслѣдованія, она именно благодаря этой элиминаціи стала *эмпирической психологіей*; по крайней мѣрѣ по (своему) требованію, — а какъ обстоитъ съ этимъ дѣло въ дѣйствительности, мы увидимъ потомъ. Во всякомъ случаѣ сейчасъ мы имѣемъ дѣло лишь съ опредѣленіемъ предмета *эмпирической*

¹⁾ Geschichte des Materialismus, II*, § 381.

²⁾ Сравни «Weltbegriff», примѣч. къ § 100.

психологiи и подразумѣваемъ лишь ее, если и не называемъ ее таковою ¹⁾ всякій разъ.

Какъ опредѣляется предметъ психологiи въ этой фазѣ?

Отвѣты на этотъ вопросъ мы можемъ подраздѣлить, поскольку привлекаемъ ихъ къ разсмотрѣнiю, на три группы, которыя мы кратко характеризуемъ слѣдующимъ.

В. Предметъ психологiи по исключенiи „души“.

I.

Первая группа опредѣленiй предмета.

8. Предметъ психологiи суть «психическія», «душевные», «духовныя» «функціи»—или «состоянiя»—или «факты»—или «явленiя» («феномены») и т. д.

9. Такъ какъ, между тѣмъ, [терминъ] «психическое» потерялъ для психологiи—поскольку она является эмпирической—свой старый прямой смыслъ: «принадлежащее душѣ», то это выраженiе вообще уже не имѣетъ больше особаго, собственнаго смысла. Лишь вслѣдствіе такъ называемаго «обще человѣческаго принципа косности» оно служитъ для обозначенiя всего того, что раньше въ качествѣ «функціи» и т. д. приписывалось «душѣ»—и для чего пришлось искать новую сущность или же новое нѣчто, какъ то: «органъ», «субстратъ», «носитель» и т. д.

10. Слѣдовательно выраженiе «психическое» является чисто условнымъ, само по себѣ оно является по исключенiю «души» ничего не говорящимъ.

II.

Вторая группа опредѣленiй предмета.

11. Предметъ психологiи суть «функціи»—или «состоянiя»—или «факты»—или «явленiя» («феномены») и т. д.

¹⁾ Такъ называемая «раціональная психологiя» здѣсь не принимается въ соображеніе, ибо хотя она и отстаиваетъ «существованіе» «души», однако признаетъ ея «ненаходимость въ опытѣ». Также всѣ современныя—«метафизическія»—попытки доказать «душу» и нашъ вопросъ о предметѣ—«эмпирической»—психологiи находятся въ отношенiи совершенной взаимной независимости.

«сознанія». Собственно говоря, къ этой группѣ относилось бы еще опредѣленіе нашего предмета какъ «аффекцій интеллекта» (*Gemütes*), но оно не получило въ психологіи настоящаго обрусенія.

12. Относительно «сознанія» теперь насъ увѣряютъ въ соотвѣствующихъ случаяхъ, что оно ничто «внѣ» или «кромѣ» «представленій», ничто кромѣ «суммы» всѣхъ дѣйствительныхъ или одновременно наличныхъ представленій—«кромѣ» «единичныхъ фактовъ сознанія», что оно не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ какъ «соединеніемъ» этихъ фактовъ, каковыя увѣренія конечно не исключаютъ того, что изъ этого выраженія при случаѣ дѣлается употребленіе, которое по меньшей мѣрѣ сильно напоминаетъ [свое] субстанціальное значеніе.

13. Такимъ образомъ выраженіе «сознаніе» само по себѣ опять-таки не обозначаетъ чего-либо особаго, а гдѣ оно кажется имѣющимъ особое содержаніе, тамъ оно выступаетъ какъ явленіе суживанія, т. е. какъ вербальное бытіе, до котораго сузилась «душа» — въ противодѣйствіе своей полной элиминаціи—такъ же какъ и «интеллектъ» (*Gemüt*) въ кантовскомъ смыслѣ есть не что иное, какъ такое явленіе суживанія ¹⁾).

III.

Третья группа опредѣленій предмета.

14. Предметъ психологіи есть—въ кратчайшемъ обозначеніи: «Внутреннее», въ болѣе подробномъ: «факты внутренняго чувства», «внутренняго опыта» или «внутренняго воспріятія» — или: «состоянія и процессы въ насъ» — «внутреннія событія» — или: «внутреннія переживанія» — или: «внутреннія состоянія человѣка» — «мозга» — «атома» — «опредѣленія внутренней стороны матеріи» — «изнутри разсматриваемой матеріи» и т. д.

15. Эти опредѣленія предмета психологіи, относящіяся ко «внутренне-сущему», «Внутреннему», суть единствен-

¹⁾ «Weltbegriff», § 183.

ныя, которыя по крайней мѣрѣ еще кажутся аналитически имѣющими смыслъ.

16. Впрочемъ всѣ эти выраженія: «Психическое», «сознаніе», «Внутреннее» по существу все-таки употребляются въ старомъ дуалистическомъ смыслѣ, т. е. въ явной или скрытой принципиальной противоположности или спеціально «тѣлу», или «тѣлесному» вообще ¹⁾).

III. Эмпириокритическая фаза.

А. Предметъ психологіи при воздѣйствіи интроекціи.

1. Первоначально находимая и гипотетическая составныя части естественнаго понятія о мірѣ.

а. Главныя составныя части первоначально находимаго.

I.

17. Характерное для третьей фазы основывается на элиминаціи интроекціи и ея продуктовъ.

Я полагалъ, что назвать ее «эмпириокритическою» фазой я имѣлъ право потому, что обнаруженіе интроекціи и характеризованіе ея какъ (неумышленнаго) извращенія можно относить къ существеннымъ опредѣленіямъ эмпириокритицизма.

18. Здѣсь не важно, видятъ ли въ этой третьей фазѣ лишь переходящее явленіе, или же хотятъ признавать за ней извѣстную устойчивость. Во всякомъ случаѣ сейчасъ она имѣется и для опредѣленнаго направленія имѣетъ извѣстное значеніе. А опредѣленіе содержанія какой-либо фазы не можетъ притязать теперь на иное значеніе, чѣмъ какъ для опредѣленнаго направленія въ философской мысли.

¹⁾ Правда, въ «монистическихъ» направленіяхъ философіи пытаются дать болѣе монистическія (einhellichere) опредѣленія предмета психологіи; но такъ какъ эти попытки болѣе монистическаго опредѣленія сами выросли на почвѣ стараго дуализма, то ихъ можно считать лишь за переходныя явленія.

19. Такъ какъ понятіе интроекціи—судя по эмпирическимъ слѣдствіямъ, которыя уже обнаружили въ времени его введенія—несмотря на свою простоту оказалось легко подающимъ поводъ къ недоразумѣніямъ, то можетъ быть показалось бы не излишнимъ, если бы мы въ послѣдующемъ обратились къ стати и къ дальнѣйшему уясненію этого понятія.

Съ этой цѣлью я рефлектирую на самого себя и должно остаться на произволъ читателя, насколько онъ признаетъ имѣющимъ силу и для него то, что я высказываю о себѣ. И чтобы опять посильно предохранить себя отъ «философскихъ теорій», которыя, какъ уже слѣдствіе интроекціи, находятся въ большомъ подозрѣніи, я начинаю съ изъясненія моего *естественнаго понятія о мірѣ*, изъ котораго я исходилъ, и при этомъ воспользуюсь тѣмъ описаніемъ, какое я далъ въ своемъ «Weltbegriff»'ѣ (S. 4 и слѣд. [§ 6.]), и которое до сихъ поръ признавалъ относительно весьма вѣрнымъ.

«Что было въ началѣ моего «духовнаго» развитія, относительно этого философія стремится сдѣлать мнѣ наставленіе посредствомъ спеціальныхъ теорій; но что было въ началѣ моего философствованія, я могу самъ себѣ дать непосредственный отчетъ. Если я исключу то, что на время привнесли случайныя и измѣнчивыя вліянія жизни и школы, то это было вотъ что. Я со всѣми моими мыслями и чувствами находилъ себя окруженнымъ средой. Эта среда слагалась изъ многоразличныхъ составныхъ частей, которыя находились другъ съ другомъ въ различныхъ отношеніяхъ зависимости. Къ средѣ принадлежали и сочетовѣки съ многоразличными высказываніями и то, что они говорили, опять-таки находилось, въ большинствѣ случаевъ, въ зависимости отъ среды. Впрочемъ, сочетовѣки говорили и дѣйствовали подобно мнѣ: они отвѣчали на мои вопросы, какъ и я на ихъ вопросы; они стремились къ удержанію различныхъ составныхъ частей среды или избѣгали ихъ, измѣняли ихъ, или старались сохранить ихъ неизмѣнными; и то, что они дѣлали, и отъ

чего воздерживались, они обозначали словами и объясняли основанія и умыслы [своихъ] дѣйствій и недѣйствій. Все какъ и я самъ: и поэтому я былъ не иного мнѣнія, какъ того, что сочеловѣки — существа какъ я, самъ я — существо какъ они.

II.

20. Съ формальной точки зрѣнія, это естественное понятіе о мірѣ тотчасъ же распадается на двѣ составныя части логически различнаго значенія, которыя я, можетъ быть, отѣню наиболѣе просто и наименѣе двусмысленно, если одну назову «многообразіемъ фактически первоначально находимаго», а другую «гипотезой».

21. Фактически первоначально находимая составная часть моего естественнаго понятія о мірѣ — или, выражаясь болѣе кратко: эмпириокритическая наличность¹⁾ — опять-таки раздѣляется на двѣ главныя части, изъ которыхъ одна обнимаетъ все то, что принадлежитъ «*миру*», т. е. такъ называемому «Я»²⁾; вторая — все принадлежащее тому, что философски охотно обозначаютъ какъ «не-Я», но что болѣе просто и положительно можно обозначить какъ «среду», при чемъ въ этомъ изслѣдованіи къ «средѣ» такъ называемаго «Я» должно причисляться все то, что стоитъ ко мнѣ въ томъ же аналитически опредѣляемомъ отношеніи, какъ [напр.] «дерево» предо «мною», составляющее этимъ «составную часть моей среды».

22. Также и первоначально находимое такъ называемое «Я» опять-таки является какъ различно опредѣленное многообразіе: какъ «тѣло», съ его подвижными членами — все относящееся къ «тѣлу» въ формѣ «вещей»; какъ «мысли», большая часть которыхъ обладаетъ «со-

¹⁾ «Weltbegriff», § 150.

²⁾ Гдѣ выраженіе «Я» употребляется просто, тамъ всегда подразумевается лишь это такъ называемое «Я».

держаніємъ», повторяющимъ болѣе или менѣе варьированными составныя части среды—всѣ «мысли» въ ихъ специфической формѣ «мысленнаго» («идеальнаго»); какъ разнаго рода «чувства», изъ которыхъ, напр., одни кажутся связанными съ «тѣломъ», другія опредѣленнымъ образомъ характеризуютъ составныя части среды—относящееся къ «чувствамъ» отчасти въ формѣ «вещнаго» (какъ, напр., острая «боль въ тѣлѣ»), отчасти въ формѣ «мысленнаго» (какъ, напр., воспоминаніе о такой боли).—И—по этому столь простому анализу—какъ большая часть «мыслей» находится въ опредѣленномъ отношеніи къ составнымъ частямъ среды, такъ стоитъ въ другомъ опредѣленномъ отношеніи къ составнымъ частямъ среды и большая часть «чувствъ», поскольку они измѣняются съ измѣненіемъ составныхъ частей среды, а также и при слишкомъ продолжительномъ присутствіи ихъ. И опять-таки въ этомъ отношеніи находятоя къ составнымъ частямъ среды движенія моихъ членовъ—мои движенія—какъ удерживающія или измѣняющія составныя части среды, или ихъ положеніе относительно меня.

23. Всѣ эти измѣнчивыя отношенія такъ называемаго «Я» къ своей измѣняющейся средѣ—всегда лишь детерминаціи общаго и неизмѣннаго отношенія между «Я» и его «средой» вообще.

24. Это устойчивое отношеніе состоитъ въ неразрывной координаціи обѣихъ главныхъ частей фактически первоначально находимой составной части моего естественнаго понятія о мірѣ (см. выше § 21): такъ называемаго «Я» и «среды». Выражаясь «философски», каждому конкретному «Я» приурочено специальное «не-Я»; каждому конкретному «не-Я» приурочено индивидуальное «Я». Или, выражаясь обычнымъ языкомъ: «Я» и «среда» являются не только оба первоначально находимыми въ одномъ и томъ же смыслѣ, но и всегда—оба первоначально находимыми вмѣстѣ. Никакое полное описаніе первоначально находимаго (по свойствамъ и связямъ) не можетъ содержать «Я», не держа и «среды»

этого «Я», никакое полное описаніе первоначально находимаго не можетъ содержать «среду», не содержа и «Я», средой котораго она была бы, хотя бы, по крайней мѣрѣ, того, кто описываетъ первоначально находимое¹⁾. Эта принципиальная координація, члены которой суть такъ называемое «Я» и «среда», была названа нами эмпириокритическою принципиальною координаціей, членъ ея, обозначаемый какъ «Я» — центральнымъ членомъ, составныя части сопринадлежающей «среды» — противчленами.

Это — о фактически первоначально находимой составной части моего естественнаго понятія о мірѣ; теперь — нѣсколько словъ о содержащейся въ немъ гипотезѣ.

в. Содержаніе гипотезы, включенной въ естественное понятіе о мірѣ.

I.

25. Если я разсматриваю сочеловѣка и его движенія со своей мѣстной точки зрѣнія, — а я всегда нахожусь на таковой —, то онъ оказывается первоначально находимымъ въ томъ же смыслѣ, какъ и всякая другая, находящаяся въ движеніи (или покоѣ) составная часть среды (какъ, напр., водопадъ, дерево, часовой механизмъ); и какъ сочеловѣку не принадлежатъ, пока я анализирую его съ моей мѣстной точки зрѣнія какъ первоначально находимое, другія общія опредѣленія свойствъ, чѣмъ у остальныхъ составныхъ частей среды, которыя я анализирую съ моей мѣстной точки зрѣнія какъ первоначально находимое, такъ и движеніямъ сочеловѣка не принадлежитъ (подъ тѣмъ же предположеніемъ) иное *общее* значеніе, чѣмъ чисто механическое, согласующееся съ закономъ сохраненія энергіи.

¹⁾ Сравни «Weltbegriff», § 130. Хотя и можно мыслить «мѣстность», «которую еще не попирала нога человѣческая», — но для того, чтобы можно было мыслить такую среду, нужно такъ называемое «Я», мысля котораго она была бы.

26. Такъ какъ въ моемъ естественномъ понятіи о мірѣ сочеловѣки были поняты какъ «существа какъ и я», а анализъ «меня самого» допускаетъ въ такъ называемомъ «Я» большее чѣмъ чистый механизмъ (сравни выше § 22), а слѣдовательно и за моими движеніями (жестами, поступками, рѣчью и т. д.) признаетъ болѣе чѣмъ механическое значеніе, то въ моемъ естественномъ понятіи о мірѣ вполнѣ однородныя движенія сочеловѣковъ были поняты въ томъ же смыслѣ, какъ и мои движенія — какъ имѣющія болѣе чѣмъ механическое значеніе.

27. Такимъ образомъ гипотетическая составная часть моего естественнаго понятія о мірѣ состоитъ въ томъ, что сочеловѣческимъ движеніямъ, которымъ — поскольку они съ моей мѣстной точки зрѣнія разсматриваются только какъ первоначально находимое (§ 25) — фактически принадлежитъ лишь механическое значеніе, я приписываю болѣе чѣмъ механическое значеніе.

28. Такъ какъ это, подвергающееся здѣсь разсмотрѣнію, значеніе человѣческихъ движеній, принадлежащее имъ еще кромѣ механическаго, нужно обозначить какимъ-нибудь краткимъ выраженіемъ, то я избираю для этого (свободное отъ теорій) названіе: а м е х а н и ч е с к о е; такъ что, слѣдовательно, гипотеза болѣе чѣмъ механическаго значенія сочеловѣческихъ движеній прежде всего, въ простой номинальной дефиниціи своего содержанія говоритъ, что за ними было допущено болѣе чѣмъ механическое, именно еще амеханическое значеніе.

29. Чтобы видѣть, что собственно представляетъ собою входящее въ мое естественное понятіе о мірѣ допущеніе болѣе чѣмъ механическаго значенія сочеловѣческихъ движеній — по содержанію, я прежде всего долженъ попытаться дать себѣ отчетъ въ томъ, въ какомъ смыслѣ мои движенія — какъ первоначально находимое — обладаютъ болѣе чѣмъ механическимъ, то есть, слѣдовательно, кромѣ механическаго еще амеханическимъ значеніемъ.

II.

30. Мои движенія, т. е. движенія членовъ моего «тѣла» (или: движенія опредѣленныхъ «вещей», которыя суть составныя части первоначально находимаго, обозначаемаго какъ «Я») — итакъ: движенія моихъ членовъ — суть «чувствуемое». ¹⁾ Уже въ этомъ содержитсяъ больше чѣмъ механическое значеніе *моихъ* движеній: ихъ механическое значеніе, поскольку движенія моихъ членовъ снова имѣютъ своимъ слѣдствіемъ, въ смыслѣ закона сохраненія энергіи, движенія другихъ вещей (напр. другихъ членовъ или составныхъ частей среды); — ихъ а механическое значеніе, поскольку они суть вмѣстѣ съ тѣмъ напр. именно «чувствуемое», съ каковымъ опредѣленіемъ не связано *eo ipso* значеніе выполненія механической работы, какъ и «образы воспоминанія» о раньше бывшихъ движеніяхъ не суть снова «причина» механической работы въ томъ же смыслѣ, какъ самі происходящія движенія.

31. Въ еще большемъ объемѣ принадлежитъ *моимъ* движеніямъ а механическое значеніе тогда, когда я рефлектирую на дальнѣйшіе моменты, съ которыми мои движенія находятся въ тѣснѣйшемъ отношеніи: на «удовольствіе или неудовольствіе», присоединяющееся къ такъ называемымъ «ощущеніямъ», которыя являются съ моими движеніями; на «мысли», выражаемыя посредствомъ моихъ движеній; на «потребности», на ихъ «удовлетвореніе», на составныя части среды, «видимое» «сохраненіе» или «измѣненіе» которыхъ производятъ мои движенія и т. д.

32. Такъ какъ ни мои «чувства удовольствія или неудовольствія», какъ такія, ни мои «образы воспоминанія», ни мои «потребности», какъ такія, ни также составныя части среды, какъ только «видимое» ²⁾ не выполняютъ ра-

¹⁾ Отъ отношенія моихъ движеній къ «другимъ чувствамъ» (Sinnen) мы можемъ здѣсь отвѣчаться.

²⁾ Это выраженіе, примыкающее къ обычному словоупотребленію, естественно нужно понимать не въ смыслѣ господствующей теоріи воспріятія (сравни примѣч. къ § 55).

боту въ томъ же смыслѣ механическую, стоящую подъ закономъ сохраненія энергіи, какъ *мои* движенія, т. е. движаемые члены моего тѣла, то и въ названныхъ отношеніяхъ *мои* движеній къ «удовольствію или неудовольствію» и т. д. имѣется свое амеханическое значеніе.

III.

33. Когда я приписываю сочеловѣческимъ движеніямъ болѣе чѣмъ механическое значеніе, то это можетъ значить лишь то, что этимъ движеніямъ кромѣ механическаго значенія принадлежитъ еще амеханическое, а это значитъ лишь то, что сочеловѣческія движенія допускаются у сочеловѣковъ какъ «чувствуемое» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ *мои* движенія фактически являются этимъ для меня; говоря болѣе общо: сочеловѣческія движенія допускаются стоящими у сочеловѣковъ въ томъ же смыслѣ въ отношеніи не только къ такъ называемымъ «двигательнымъ ощущеніямъ», но и къ «чувствамъ» и «потребностямъ», къ «мыслямъ» и къ «видимымъ» составнымъ частямъ среды,—въ какомъ такія отношенія суть первоначально находимое при *моихъ* движеніяхъ.

34. Такъ какъ «гипотеза», включенная въ мое естественное понятіе о мірѣ относительно сочеловѣческихъ движеній, слѣдовательно, принципиально имѣетъ и должна имѣть то же содержаніе, какое указываетъ анализъ содержащагося въ моемъ естественномъ понятіи о мірѣ «многообразія фактически первоначально находимаго», то содержаніе «допущенія болѣе чѣмъ механическаго значенія сочеловѣческихъ движеній» я могу свести къ такому же кратчайшему выраженію, какъ и аналитически опредѣляемое содержаніе этого «многообразія фактически первоначально находимаго», именно:

Сочеловѣкъ есть центральный членъ принципиальной координаціи, противостоленомъ которой можетъ быть, напр., «дерево», а также и «Я».

2. „Внутреннее“ какъ предметъ психологіи.

а. Содержаніе интρεкціонистическаго допущенія есть принципиально иное, чѣмъ содержаніе включенной въ естественное понятіе о мірѣ гипотезы.

I.

35. Прежде всего мы констатируемъ, что относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія сочеловѣческихъ и— при непосредственномъ перенесеніи и на самый дѣлающій допущеніе индивидуумъ—человѣческихъ движеній вообще господствующая психологія фактически дѣлаетъ допущеніе, отклоняющееся отъ содержанія нашей «гипотезы».

36. Чтобы кратчайшимъ образомъ сдѣлать это иное допущеніе по меньшей мѣрѣ замѣтнымъ, мнѣ нужно воспользоваться выраженіемъ «ощущенія», въ самомъ широкомъ, недифференцированномъ смыслѣ обыденной жизни. Понятіе, взятое столь общо, при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ бы найти исполнѣ пріемлемымъ и психологъ, [не ?] раздѣляющій нашу, выше набросанную, теоретическую точку зрѣнія. Тогда, особое и отличительное, занимаемое нами изъ ней, господствующей психологіи (или философіи) и привносимое въ общее понятіе «ощущеній» можно указать въ двухъ словахъ, и это—два словечка: «въ насъ».

37. Такимъ образомъ иное допущеніе, дѣлаемое господствующей психологіей относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія человѣческихъ движеній, состоитъ въ томъ, что еще долженствующее считаться амеханическимъ она понимаетъ какъ «ощущенія въ насъ». Ибо при этомъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, туманное «въ насъ» тотчасъ же опредѣляется какъ та часть человѣческаго тѣла, которой уже пользовались какъ «сѣдалищемъ души»—какъ мозгъ: еще признаваемое за амеханическое понимается какъ «ощущенія въ насъ», имѣющія свое мѣсто въ мозгу.

38. Теперь я постараюсь показать,

- 1) что означенное допущеніе господствующей психологіи содержитъ не просто иное, чѣмъ выше анализованная (§ 25 и слѣд.), входящая въ мое естественное понятіе о мірѣ гипотеза, но нѣчто принципиальное иное.
- 2) что это принципиально иное содержитъ логически ложное и
- 3) что это принципиально иное въ самомъ дѣлѣ извратило опредѣленіе предмета психологіи.

II.

39. Итакъ, прежде-всего разъясненіе того, что допущеніе господствующей психологіи содержитъ въ себѣ нѣчто принципиально иное, чѣмъ гипотеза нашего естественнаго понятія о мірѣ. Для цѣлей этого наброска будетъ достаточно, если мы возьмемъ простой примѣръ.

Положимъ, сочеловѣкъ произноситъ слова: «я вижу передъ собою дерево»; какъ относимся мы оба—представитель господствующей психологіи и я—къ этимъ словеснымъ движеніямъ сочеловѣка?

Мы сходимся (оставляя въ сторонѣ особые случаи) въ томъ, что оба приписываемъ этимъ словеснымъ движеніямъ кромѣ механическаго еще амеханическое значеніе.

40. Но мы расходимся въ томъ, что я допускаю амеханическое значеніе этихъ словесныхъ движеній сочеловѣка въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно есть *первоначально находимое* въ отношеніи къ подобнымъ моимъ словеснымъ движеніямъ. То есть, если я дѣлаю высказываніе: «я вижу передъ собою дерево», то соотвѣтствующія словесныя движенія въ аналитически опредѣляемомъ смыслѣ я отношу къ принципиальной координаціи, центральный членъ которой — «я», а противочленъ — «дерево предо

мною»; и слова мои при такомъ отнесеніи высказываютъ: какъ обозначаемое въ этой принципіальной координаціи какъ «я» есть «видимое», такъ и «дерево предо мною» есть «видимое».

41. Если сочеловѣкъ произноситъ слова: «я вижу передъ собою дерево», то я приписываю теперь соотвѣствующимъ словеснымъ движеніямъ сочеловѣка такое же болѣе чѣмъ механическое значеніе; т. е. и относительно ихъ я допускаю такое же отношеніе къ принципіальной координаціи, центральный членъ которой — сочеловѣкъ, а противочленъ — дерево; и слѣдовательно, — что слова сочеловѣка высказываютъ то же самое, что и *мои*; то есть, что сочеловѣкъ въ «многообразіи своего фактически первоначально находимаго» имѣетъ «себя» и «дерево передъ собою» какъ «видимое» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это имѣетъ случай въ той принципіальной координаціи, центральный членъ которой я самъ.

42. Иначе относится къ предположенному (§ 39) случаю представитель господствующей психологіи: для болѣе чѣмъ механическаго значенія предположенныхъ словесныхъ движеній сочеловѣка онъ не допускаетъ второй принципіальной координаціи съ такими же принципіальными опредѣленіями, какія даетъ анализъ «многообразія фактически первоначально находимаго», а дѣлаетъ «дерево предо мною» какъ видимое комплексомъ «зрительныхъ ощущеній», которыя какъ-то и гдѣ-то *существуютъ* «локализованными» **«въ мозгу»** и *«кажутся»* «проецированными вовнѣ», — дѣлаетъ «представленіемъ во мнѣ», «мыслимымъ» и т. д.

43. Поскольку содержаніе указаннаго пониманія вообще создано путемъ «мысленнаго разсмотрѣнія» отношенія между человѣкомъ и составною частью среды, допустимо, что въ этомъ играло роль лишь отношеніе между сочеловѣкомъ и составною частью среды. Но обобщеніе, которое присвоиваетъ себѣ это частное «познаніе», захватываетъ и самого индивидуума, рассматривающаго это отношеніе, что мы и находимъ во взглядѣ:

Всѣ воспринимаемыя составныя части среды — какъ «воспріятія» — суть лишь «представленія въ насъ».

44. Это обобщеніе представляетъ въ логическомъ отношеніи еще тотъ интересъ, что такъ какъ здѣсь «заключаютъ» не къ болѣе чѣмъ механическому значенію сочеловѣческихъ движеній отъ болѣе чѣмъ механическаго значенія *моихъ* движеній, а наоборотъ: къ «идеалистическому» значенію моей среды отъ болѣе чѣмъ механическаго значенія движеній *моихъ* сочеловѣковъ,—то, говорю я, здѣсь не «неизвѣстное» *сводится* къ «извѣстному», а «извѣстное» къ «неизвѣстному».

III.

45. Отличіе моего отношенія къ предположеннымъ выше (§ 39) словамъ сочеловѣка въ сравненіи съ отношеніемъ господствующей психологіи можно, на основаніи сказаннаго, вкратцѣ указать въ слѣдующемъ:

Въ то время какъ я оставляю дерево передо мною какъ видимое въ томъ же отношеніи къ себѣ, въ какомъ оно есть для меня, первоначально находимое, господствующая психологія *вкладываетъ* дерево какъ «видимое» въ человѣка (именно въ его мозгъ).

Это *вкладываніе* «видимаго» и т. д. въ человѣка и есть то, что обозначается какъ *интросекція* ¹⁾.

¹⁾ Поэтому специальное понятіе «интросекція» не слѣдуетъ смѣшивать съ обобщеннымъ понятіемъ «антропатизма», подъ которымъ я разумѣю допущеніе, что—совершенно отвлекаясь здѣсь отъ «боговъ»—не только сочеловѣки, но и всѣ безъ различія составныя части среды—«вещи»—суть существа въ томъ же смыслѣ, какъ и «я самъ»—«воспринимающія», «чувствующія», «дѣйствующія» (сравни § 159). Хотя исторически антропатическое пониманіе всегда выступало въ соединеніи съ интросекціонистическимъ, однако по одному этому оба пониманія еще не стоятъ въ необходимой внутренней связи; наоборотъ, вполне мыслимо, что теоретическое уравненіе: «всѣ вещи—существа какъ я» производится безъ того, чтобы допускаемыя для этого у вещей «воспріятія» и «чувства» должны были *вкладываться* въ вещи и такимъ образомъ «воспріятія» и «чувства» пониматься (въ той или другой—нижней или высшей—формѣ «метафизики») какъ «принципъ» «дѣятельности» «вещей».

46. И эта интроекція есть то, что вообще изъ «находящагося предо мной» дѣлаетъ «находящееся во мнѣ», изъ «первоначально находимаго» «представляемое», изъ «составной части (реальной) среды» «составную часть (идеальнаго) мышленія», изъ «дерева» съ его механической энергіей—«явленіе» изъ той матеріи, изъ которой сотканы сны. Въ частности, изъ амеханическаго, которое опредѣляется анализомъ какъ интегрирующій моментъ первоначально находимаго, интроекція дѣлаетъ *сторону* мозга и далѣе матерію въ фактически первоначально не находимомъ и принципиально первоначально ненаходимомъ смыслѣ. Изъ амеханическаго, обнаруживающагося въ первоначально находимомъ непринужденно и ясно, интроекція дѣлаетъ таинственно скрытое въ центральной нервной системѣ, «локализованное» совершенно непонятнымъ образомъ. Изъ амеханическаго, какъ единаго съ первоначально находимымъ движущимся, которое неразрывно связано съ послѣднимъ, какъ форма и матерія, и которое и само никогда не существуетъ безъ формы и никогда безъ содержанія, но всегда имѣется въ другихъ формахъ и съ другими содержаніями и вмѣстѣ съ тѣмъ въ согласіи съ закономъ сохраненія энергіи,—изъ этого первоначально находимаго амеханическаго интроекція дѣлаетъ никогда первоначально не находимое принципиально второе и вѣчно иное, которое или совершенно непредставимымъ способомъ и въ противорѣчій съ закономъ сохраненія энергіи производитъ въ центральномъ нервномъ органѣ движеніе членовъ, или протекаетъ на ряду съ измѣненіями центральнаго нервнаго органа—въ гносеологически полнымъ противорѣчій параллелизмъ и совершенно излишне¹⁾).

«Иное» въ этомъ смыслѣ содержаніе допущенія относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія человѣческихъ движеній очевидно съ правомъ можетъ быть обозначено какъ принципиально иное.

¹⁾ Позднѣе мы вернемся къ этому.

в. Интроспекционистическое допущеніе какъ неправильное заключеніе.

I.

47. Наша ближайшая задача (сравни § 38)—разъясненіе того, что «принципіально иное» содержаніе интроспекционистическаго допущенія содержитъ логически ложное.

То, что я выше (§ 33) обозначилъ просто какъ «приписываніе», можно, какъ извѣстно, въ логическомъ разсмотрѣніи брать какъ результатъ «заключенія». Заключеніе это (степени его достовѣрности я здѣсь не касаюсь) является научно пріемлимымъ, если оно выполняетъ — между прочимъ—тѣ условія, чтобы предикатъ большей посылки не содержалъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ фактическое, понятіемъ котораго этотъ предикатъ является и чтобы въ выводѣ предикатъ большей посылки полагался въ томъ же смыслѣ, какой онъ имѣлъ въ большей посылкѣ.

48. То есть, въ нашемъ случаѣ: если заключеніе отъ болѣе чѣмъ механическаго значенія *моимъ* движеній къ болѣе чѣмъ механическому значенію однородныхъ движеній сочеловѣковъ должно быть пріемлимымъ, то большая посылка относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія *моимъ* движеній не можетъ содержать нѣчто совершенно иное, чѣмъ само фактически первоначально на х о д и м о е болѣе чѣмъ механическое значеніе *моимъ* движеній; и въ выводѣ можетъ приписываться движеніямъ сочеловѣковъ болѣе чѣмъ механическое значеніе лишь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно (по большей посылкѣ) фактически принадлежитъ *моимъ* движеніямъ.

II.

49. Если для эмпирическаго психолога съ его мѣстной точки зрѣнія движенія сочеловѣковъ суть *перво-*

начально находимое съ ихъ механическимъ значеніемъ, но не съ болѣе чѣмъ механическимъ значеніемъ ихъ, то хотя онъ и можетъ, даже и какъ эмпирическій психологъ, *заключать* къ болѣе чѣмъ механическому значенію движеній сочеловѣковъ, онъ однако, какъ таковой, ни въ коемъ случаѣ не можетъ *допускать* для этого *не находимаго первоначально* болѣе чѣмъ механическаго значенія сочеловѣческихъ движеній нѣчто принципиально иное, чѣмъ что является для него *первоначально находимымъ* относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія его собственныхъ движеній.

50. Если же для болѣе чѣмъ механическаго значенія движеній сочеловѣковъ эмпирическій психологъ *de facto* допускаетъ принципиально иное, то онъ или заключаетъ изъ посылки, которая уже содержитъ принципиально иное, чѣмъ первоначально находимое—относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія движеній его—, или—отъ первоначально находимаго—относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія своихъ движеній—онъ заключаетъ къ принципиально иному, чѣмъ что содержалось въ его посылкѣ.

Въ первомъ случаѣ онъ перестаетъ быть эмпирическимъ психологомъ, или еще не развился до таковаго ¹⁾; во второмъ случаѣ онъ дѣлаетъ заключеніе, неправильное въ логическомъ отношеніи.

51. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ представитель господствующей психологіи относительно словъ сочеловѣка: «я вижу передъ собою дерево» заключаетъ къ «видимому имъ передъ собою дереву» какъ «представленію въ немъ» вовсе не изъ той большей посылки, которая имѣла бы своимъ содержаніемъ амеханическое значеніе его (заключающаго) словесныхъ движеній, какъ оно является для него первоначально находимымъ;—но его большей посылкой является положеніе (§ 43):

всѣ воспринимаемыя составныя части среды—какъ

¹⁾ Я не принимаю здѣсь въ расчетъ эмпирическаго психолога лишь по имени.

«воспріятія»—суть лишь «представленія въ насъ»; такъ какъ тогда «видимыя деревья» суть «воспріятія», то въ концѣ-концовъ слѣдуетъ, что «видимое человѣкомъ дерево передъ нимъ»—не есть для сочеловѣка «видимое» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно есть таковое для самого заключающаго, а:—«представленіе въ сочеловѣкѣ» (т. е. «въ мозгу сочеловѣка»).

52. Если бы представитель господствующей психологіи, выводящій изъ приведенной большой посылки такое заключеніе, все-таки пожелалъ бы считаться эмпирическимъ психологомъ, то онъ долженъ былъ бы разъяснить логически правомѣрную связь такой большей посылки съ фактически первоначально находимымъ;—ибо онъ, вычеркнувшій «душу» какъ «субстанціальный принципъ» изъ «фактовъ опыта», едва ли пожелалъ бы утверждать, что эта большая посылка просто повторяетъ само фактически первоначально находимое. Но очевидно, что такая большая посылка даже и не можетъ быть выведена изъ первоначально находимаго, ибо содержаніе ея есть нѣчто принципиально иное, чѣмъ все то, что фактически содержитъ первоначально находимое и нѣтъ такого логическаго заключенія, которое отъ имѣющей силу посылки приводило бы, имѣющимъ силу способомъ, къ содержанію, которое должно быть вовсе не содержаніемъ посылки, но принципиально инымъ, чѣмъ содержаніе посылки. Слѣдовательно, если сама большая посылка была получена изъ первоначально находимаго посредствомъ «заключенія», то это, очевидно, было не имѣющее силу, а ложное заключеніе.

И такимъ же образомъ доказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и фундаментальное положеніе: «видимое дерево есть представленіе въ сочеловѣкѣ» (обобщая: «въ насъ») есть неправильное заключеніе.

53. Такъ какъ интроспекціонистическое допущеніе «психологіи безъ души» относительно болѣе чѣмъ механическаго значенія сочеловѣческихъ и человѣческихъ дви-

женій вообще, по содержанію нельзя изъ «многообразія фактически первоначально находямаго» ни получить посредствомъ его анализа, ни вывести посредствомъ имѣющаго силу заключенія, то она не имѣетъ другого выхода, какъ сводить это содержаніе къ ложному заключенію или къ извращенію первоначально находямаго¹⁾.

с. Интроспекционистическое допущеніе какъ извращеніе опредѣленія предмета психологіи.

I.

54. Какъ извращается благодаря интроспекціи все вообще (gesamte) естественное понятіе о мірѣ, я объяснилъ въ другомъ мѣстѣ²⁾; здѣсь я хочу показать еще то, какъ благодаря ей же извращается, въ частности, и опредѣленіе предмета эмпирической психологіи.

Въ томъ же смыслѣ, въ какомъ всѣ эмпирическія науки имѣютъ своимъ предметомъ, служащимъ для нихъ основой ихъ системы, первоначально находимое,—должна и эмпирическая психологія—если она вообще существуетъ—въ концѣ-концовъ указать какъ на свой предметъ, какъ на основу ея системы,—также на первоначально находимое.

И дѣйствительно, она указываетъ какъ на такое первоначально находимое: на «факты *внутренняго опыта*», на «*внутреннія событія*», на «*внутреннія переживанія*» и т. под.

55. Къ сожалѣнію, «*факты внутренняго опыта*», «*внутреннія событія*», «*внутреннія переживанія*» и т. под. мо-

¹⁾ Я довольствуюсь допущеніемъ неумышленнаго (unwissentlich) извращенія. Разъясненіе того, на чемъ оно основывается, не есть уже цѣль этого наброска; я отсылаю къ моему сочиненію: «Der menschliche Weltbegriff».

²⁾ Въ моемъ, въ предшествовавшемъ примѣчаніи цитованномъ сочиненіи.

гутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока вообще существуютъ «*внутренній опытъ*», «*внутреннее воспріятіе*», «*внутреннее*» въ философскомъ смыслѣ и т. под.; но все это «внутренне сущее» существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не обнаружена и не охарактеризована какъ извращеніе интродекція. Какъ только это произошло, перестаетъ существовать интродекція, а съ ней и ея различные продукты: «воспріятія какъ представленія въ насъ», «міръ внутренний» въ противоположность «міру внѣшнему», «факты внутреннего опыта» въ противоположность «фактамъ внѣшняго опыта» и т. д.—все, «погружающееся въ тѣнь исторіи»¹⁾.

II.

56. Насколько бессмысленно опредѣлять предметъ эмпирической психологіи черезъ понятіе «*Внутренняго*» человѣка, показываетъ, наконецъ, и разсмотрѣніе самого этого понятія.

Это «Внутреннее», которое не можетъ обнаружить никакой анализъ первоначально находимаго и не можетъ вывести изъ первоначально находимаго никакой синтезъ посылокъ, получается, слѣдовательно, лишь благодаря вложенію «воспріятій» и т. д. въ человѣка. Благо-

¹⁾ Выраженіе Эрнста Маха.—Можетъ быть здѣсь не излишне напомнить, что къ этимъ погружающимся «въ тѣнь исторіи» «продуктамъ интродекціи» относится и философское противоположеніе «субъекта и объекта». Лишь благодаря *вложенію* «воспринимаемаго»—«воспріятія»—въ индивидуума «воспринимаемое», («видимое», «чувствуемое» и т. д.) и «восприниманіе» («видѣніе» и т. д.) становится тѣмъ-то дуалистически отличнымъ отъ «воспринимаемой составной части среды», разыгрывающимся «во внутреннемъ индивидуумѣ»; и опять-таки благодаря тому же индивидууму становится «воспринимающимъ» («видящимъ» и т. д.), а чрезъ то и «субъектомъ воспріятія» («видѣнія» и т. д.), т. е. «субъектомъ» въ философскомъ смыслѣ, которому составная часть среды противостоятъ какъ «объектъ воспріятія» (видѣнія и т. д.).

даря этому «творенію изъ ничего» единый «міръ» расщепляется на «міръ внѣшній» и на «міръ внутренній», единыя «событія»—на «внѣшнія» и на «внутреннія», единый «опытъ»—на «внѣшній» и на «внутренній».

57. При этомъ расщепленіи «Внѣшнее» разумѣется какъ въ собственномъ смыслѣ пространственное—и «Внутреннее» разумѣется какъ въ собственномъ смыслѣ пространственное: когда мы часть «внѣшняго міра», которая окружаетъ насъ сейчасъ, смѣняемъ на другую, то какъ передвигалась бы съ нами «душа» въ насъ, такъ переносимъ мы изъ одной среды въ другую и наши мысли, чувства, желанія въ насъ.

58. И конечно, это «Внутреннее», если оно должно составлять пространственную противоположность «Внѣшнему», должно пониматься пространственнымъ въ томъ же смыслѣ, какъ фактически понимается какъ пространственное «Внѣшнее». Но «внутренне-сущее» въ этомъ собственномъ смыслѣ, «Внутреннее» человѣка есть его мозгъ, «Внутреннее» его мозга—слѣдующія за нейро-глическимъ слоемъ доли коры большого мозга, «Внутреннее» долей коры большого мозга—различныя клѣтки коры, «Внутреннее» клѣтокъ коры—сердцевина клѣтокъ и т. д., а всѣ фізіологическіе процессы и состоянія внутри этихъ органовъ и частей органовъ суть «внутренніе процессы и состоянія»,—но никогда и отнюдь не «воспринимаемое дерево передо мною», какъ «представленіе» и т. д. Конечно «душа» какъ субстанціальный принципъ еще могла находить въ мозгу такое истинное убѣжище, равно какъ и оставлять его, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чтобы искать «высшаго» мѣстопробыванія; но «представленія въ насъ», оставшіяся намъ послѣ «критическаго истребленія» «души», этимъ наслѣдствомъ уже не могли вступить во владѣніе, иначе они слишкомъ много удержали бы изъ инвентаря понятій прежней «души».

59. Если же выраженіе «Внутреннее» слѣдуетъ принимать не въ собственномъ смыслѣ пространственнаго, а въ принципіально иномъ смыслѣ, то оно прежде всего

теряет тотъ смыслъ, который получался для него изъ противоположенія «Внѣшнему»,—смыслъ конечно неприемлимый, но по крайней мѣрѣ понятный.

60. Но чѣмъ же долженъ быть теперь, когда собственный смыслъ «Внутренняго» утерянъ, его несобственный смыслъ? Этотъ «несобственный» смыслъ не является чѣмъ-либо изъ того, что содержалось въ многообразіи фактически первоначально находимаго и не является чѣмъ-либо изъ того, что вытекало бы изъ многообразія фактически первоначально находимаго.

61. Слѣдовательно «Внутреннее» господствующей метафизики и зависящей отъ нея психологіи совсѣмъ не можетъ имѣть «несобственный» смыслъ, который могъ бы въ то же время быть «дѣйствительнымъ» смысломъ, т. е. смысломъ понятнымъ изъ фактически первоначально находимаго, или изъ имѣющимъ силу образомъ выводимаго [изъ фактически первоначально находимаго].

62. Слѣдовательно, если «Внутреннее» въ собственномъ смыслѣ *не должно* быть понимаемо, а въ несобственномъ *не можетъ* быть понимаемо, то оно просто «безсмысленно».

III.

63. Если эмпирическая психологія въ концѣ-концовъ имѣетъ своимъ предметомъ все-таки первоначально находимое, то, въ силу сказаннаго, это очевидно не «внутренне-сущее» или «Внутреннее» въ смыслѣ явно или скрыто дуалистической метафизики. И если предметъ эмпирической психологіи все-таки опредѣляется въ духѣ этой метафизики, то это показываетъ лишь то, что благодаря интроекціи оказалось извращеннымъ и опредѣленіе предмета эмпирической психологіи.

Чтобы видѣть «внутренне-сущее», «Внутреннее»,—короче «въ насъ» господствующей психологіи въ собственномъ или переносномъ смыслѣ слова,—для этого истинѣ нужны «платоновскіе глаза»: «глаза разума»—если предположить, что «разумъ» въ самомъ дѣлѣ есть способность усматриванія ложнаго и сверхъ того—выведенія ложнаго!

В. Предметъ психологіи по устраненіи интроспекціи.

1. Опытъ какъ предметъ психологіи.

а. Опытъ какъ „полный“ и какъ „частичный“ опытъ.

I.

64. «Müset im Naturbetrachten
Immer eins wie alles achten;
Nichts ist drinnen, nichts ist draussen;
Denn was innen, das ist aussen.
So ergreift ohne Säumnis
Heilig öffentlich Geheimnis».*) (Goethe.)

Таковъ, приблизительно, результатъ нашей простой критики опредѣленія предмета психологіи какъ «внутренняго»—въ поэтическомъ выраженіи.

Говоря трезво философски, теперь нашимъ результатомъ является: опредѣленія предмета эмпирической психологіи даютъ или однѣ вербальности («Психическое», «Душевное», и т. д.), или—метафизическій пережитокъ («интеллектъ» [Gemüt] въ смыслѣ Критики чистаго разума, «сознаніе», «Внутреннее» и т. д.), то есть кратко: во второй фазѣ опредѣленія нашего предмета просто совершенно несостоятельны.

Найдеть ли третья фаза состоятельныя или болѣе состоятельныя опредѣленія—можетъ показать лишь будущее; но во всякомъ случаѣ задача современности—въ мѣру индивидуальныхъ силъ *искать* таковыя.

65. Съ этою цѣлью мы придерживаемся теперь лишь точнаго смысла частной задачи: отвлеченно (begrifflich) опредѣлить предметъ *эмпирической* психологіи.

*) «При познаніи природы всегда все разсматривайте одинаково; ничто не внутренне, ничто не внѣшне, ибо что внутри, то во внѣ; такъ признайте безпрепятственно священную, открытую для всѣхъ тайну».

Итакъ: если эмпирическая психологія существуетъ, то предметъ, который могъ бы составлять основу психологической системы, долженъ принадлежать къ **опыту**.

66. Но и съ своей стороны «опытъ» мы вводимъ этимъ въ наше разсмотрѣніе лишь по имени; по существу же онъ давно и повсюду энергично выступалъ у насъ въ качествѣ первоначально находимаго, ибо какъ «опытъ» мы обозначаемъ теперь лишь именно то, что раньше мы называли **первоначально находимымъ**.

67. Такимъ позднимъ введеніемъ выраженія «опытъ» мы надѣемся отбросить два употребленія этого слова при нашихъ цѣляхъ: опытъ какъ «средство познанія» въ смыслѣ господствующей, внутренне совершенно метафизической (*спеціальной*) теоріи познанія—и опытъ, какъ нѣчто связанное съ внутренне столь же метафизическимъ противоположеніемъ «внѣшняго» и «внутренняго» «воспріятія». Какъ полагаетъ насъ опытъ въ сторонѣ отъ «гносеологической» путаницы, такъ онъ полагаетъ насъ и въ сторонѣ отъ противоположенія «внѣшняго» и «внутренняго» — и мы довѣрчиво и правдиво обращаемся къ тому, что онъ есть для не испытывающаго философскаго вліянія словоупотребленія, когда оно, напр., называетъ просто «опытомъ» «дерево предо мною» или «мозгъ во мнѣ».

68. Предметъ всякой эмпирической науки (могутъ ли существовать другія науки въ качествѣ эмпирическихъ—это можно оставить здѣсь безъ разъясненія) есть, тогда, или опытъ въ его абстрактномъ понятіи: общее понятіе опыта по его формѣ и содержанію (философія), или это—опредѣленные классы самихъ единичныхъ опытовъ: конкретные опыты (*спеціальныя науки*).

Эмпирическая психологія имѣетъ дѣло съ послѣдними: предметъ, который образуетъ основу психологической системы, есть—если эмпирическая психологія вообще существуетъ—во всякомъ случаѣ—**конкретные опыты**.

69. Но всѣ ли конкретные опыты? Если нѣтъ, то какіе же изъ нихъ—предметъ эмпирической психологіи? И далѣе: изъ являющихся таковымъ—во всѣхъ ли опре-

дѣленіяхъ свойствъ и отношеніяхъ? или въ какихъ? Словомъ, какіе конкретные опыты и въ какомъ смыслѣ образуютъ предметъ эмпирической психологіи?

II.

70. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, я долженъ прежде всего притти съ читателемъ къ соглашенію относительно того, что же понимать подъ «конкретными опытами» — и кстати въ извѣстномъ отношеніи болѣе рельефно выдвинуть понятіе «опыта», какъ его даетъ анализъ эмпириокритической наличности (сравни выше § 21 и сл.).

71. Конечно, кажется, что «конкретные опыты» слѣдуетъ подразумѣвать всегда тогда, когда вообще въ обыденномъ словоупотребленіи — а также въ наукахъ — говорится объ «опытахъ». Напр. опытъ: «звучить», «свѣтитъ солнце», «солнечный лучъ преломляется», «звукъ складывается изъ основного тона и обертоновъ», «сахаръ сладокъ на вкусъ», «сладость пріятна или непріятна» и т. д.

72. Тѣмъ не менѣе такіе опыты «конкретны» не въ полномъ смыслѣ слова.

Скорѣе опыты, чтобы ихъ можно было *назвать* «конкретными въ полномъ смыслѣ», должны — какъ я предлагаю — выполнять слѣдующія условія:

- 1) Опытъ долженъ быть въ смыслѣ формальной логики совершенно конкретнымъ понятіемъ, т. е. понятіемъ индивидуальнымъ, — а не абстрактнымъ или родовымъ понятіемъ какого бы то ни было порядка.
- 2) Содержаніе опыта также должно быть полагаемо безъ абстракцій — въ томъ смыслѣ, чтобы въ немъ не «абстрагировались» (не «отвлекались») отъ заключающихся въ немъ аналитически опредѣляемыхъ содержаній.

73. Слѣдовательно опытъ «конкретный» въ полномъ смыслѣ есть не только не «абстрактное» понятіе, но

онъ содержитъ и все то, что хотя и можно различить въ немъ, но что не встрѣчается отдѣльно отъ него;—что хотя и можно просмотрѣть¹⁾ въ немъ, но что никогда не отсутствуетъ въполнѣ.

Такъ, никогда не встрѣчается человѣческое мышленіе или чувствованіе безъ человѣческаго тѣла, съ которымъ они встрѣчаются, никогда не бываетъ бодрствующаго человѣческаго тѣла, безъ того, чтобы у него не было бы воспріятій или чувствъ.—Но при созерцаніи бодрствующаго человѣка я могу забывать о томъ, какія воспріятія и чувства имѣются у него въ моментъ моего созерцанія; или я могу углубиться въ мысли поэта, не думая вмѣстѣ съ тѣмъ о самомъ поэтѣ (какъ человѣческомъ тѣлѣ).

74. Всѣ опыты въ смыслѣ обычнаго словоупотребленія, если и выполняютъ первое изъ упомянутыхъ (§ 72) условий, рѣдко, однако, выполняютъ второе. Опытъ: «звукъ», «солнечный свѣтъ», «преломленіе лучей» и т. д. всегда содержитъ, напр., и человѣческаго индивида, дѣлающаго такое высказываніе; слѣдовательно въ опытѣ: «звукъ», «солнечный свѣтъ», «преломленіе лучей» и т. д. *произведена абстракція* отъ заключавашагося въ опытѣ высказывающаго индивида. Если какъ опытъ высказываются²⁾ зрѣніе и слухъ людей—хотя бы въ такой формѣ: «то—опытъ, что большинство людей не слѣпо и не глухо, но что они могутъ видѣть и слышать»,—то въ этомъ опытѣ упускаютъ изъ вниманія то, что человѣческое зрѣніе и слухъ никогда не бываютъ опытомъ безъ того, чтобы въ этомъ опытѣ не содержалось бы вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто видимое или слышимое (хотя бы: блистающее тѣло, звучащая струна), отъ чего умышленно или неумышленно *отвлекаются*. Опытъ: «сахаръ сладокъ на вкусъ» также содержитъ абстракціи, ибо онъ, напр., *отвлеченъ*

¹⁾ Можетъ быть опущено, какъ незамѣченное, какъ упущенное изъ вниманія и т. д.

²⁾ Съ правомъ или безъ права говорится въ этомъ случаѣ объ «опытѣ»—для того, о чемъ сейчасъ идетъ дѣло, безразлично.

не только отъ человѣческаго индивида, вкушающаго сахаръ, но и отъ пріятности или непріятности, испытываемой вмѣстѣ со «вкусомъ сладости».

75. Эти примѣры показываютъ:

- 1) что опыты въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія обыкновенно являются опредѣленіями лишь частей какихъ-либо въ полномъ смыслѣ конкретныхъ опытовъ;
- 2) что въ полномъ смыслѣ конкретные опыты всегда слагаются изъ опредѣленнаго многообразія опредѣленій частей.

76. Лишь тамъ, гдѣ это многообразіе можетъ быть предпологаемо въ полномъ объемѣ, можно и опытъ обозначить какъ «въ полномъ смыслѣ конкретный опытъ» или, короче,—какъ «полный опытъ».

Тамъ же, гдѣ это условіе не выполнено, можно говорить лишь объ «опытахъ въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія»—какъ о такихъ опредѣленіяхъ частей—или, короче,—о частичныхъ опытахъ».

Въ послѣдующемъ мы и будемъ примѣнять эти отличительныя обозначенія.

III.

77. Благодаря нашему раннѣйшему различенію (§ 21) мы уже знаемъ, что всякій «полный опытъ» долженъ быть многообразіемъ, прежде всего двояко опредѣленнымъ. Именно, всякій «полный опытъ» расчленяется на двѣ главныхъ составныхъ части: на то, что принято обозначать какъ «Я» и на то, что можетъ быть обозначено какъ «среда».

78. Если мы оставимъ здѣсь отношенія между такъ называемымъ «Я» и его «средой» безъ разсмотрѣнія, то мы смѣло можемъ сдѣлать, то (согласно § 24) мы можемъ сказать: могутъ существовать «гипотезы» относительно опыта, но нѣтъ такого опыта (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія), который не былъ бы или такъ назы-

ваемымъ «Я» или его «средой» (по крайней мѣрѣ частичнымъ опредѣленіемъ такъ называемаго «Я» или его «среды») и который, будетъ ли онъ тѣмъ или другимъ, никогда не бываетъ такъ называемымъ «Я» (или его частичнымъ опредѣленіемъ) безъ того, чтобы въ немъ не содержалась бы и среда—и никогда не бываетъ «средой» (или ея частичнымъ опредѣленіемъ) безъ того, чтобы въ немъ не содержалось бы и такъ называемое «Я».

Это значитъ: хотя въ опытѣ «Я» можно *произвести абстракцію (отвлечься)* отъ «среды», а въ опытѣ «среда» —отъ «Я», однако такъ называемое «Я» не бываетъ безъ «среды» и столь же мало опытъ «среда» бываетъ безъ того, чтобы въ этомъ опытѣ не заключалось бы и такъ называемое «Я» (сравни выше § 73) ¹⁾.

79. Каждый членъ принципіальной координаціи (срав. § 24), какъ содержащей «полный опытъ», опять-таки есть многообразіе частичныхъ опредѣленій, члены котораго столь же могутъ быть опытами въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія — «частичными опытами» — какъ и каждый членъ принципіальной координаціи можетъ быть таковыми (сравни § 76 и слѣд.).

80. Для центральнаго члена, такъ называемаго «Я», и для противочленовъ, составныхъ частей среды, общее опредѣленіе какъ «вещи» (Sache) или «вещнаго» — въ извѣстномъ объемѣ является, въ логическомъ смыслѣ, общимъ для того и другого. «Рука сочеловѣка», «нога животнаго»,

¹⁾ Сравни «Weltbegriff», § 147: «Точно такъ же, какъ въ моемъ опытѣ, т. е. въ опытѣ, къ которому принадлежитъ мое «Я», — такъ, точно такъ же, какъ «Я» нахожусь въ моемъ опытѣ, такъ и дерево находится въ моемъ опытѣ. Я испытываю дерево въ точно томъ же смыслѣ, какъ и себя самого — именно, какъ принадлежащее единому опыту; и когда я говорю: я испытываю дерево, то это должно обозначать лишь то, что этотъ опытъ состоитъ изъ нѣкотораго болѣе содержательнаго комплекса элементовъ «Я» и другого, менѣе содержательнаго комплекса элементовъ «дерево» (насчетъ выраженія «комплексъ элементовъ» сравни § 87).

«стволъ дерева» суть опытъ въ томъ же смыслѣ «вещи», какъ и «наружныя части» (Extermitäten) собственного тѣла: это—такое же многообразіе «вещей» или «вещнаго», какъ, напр., и «дерево».

81. Отличіе такъ называемаго «Я» отъ составныхъ частей его «среды» состоитъ въ томъ, что—съ моей точки зрѣнія—въ опытѣ «Я»¹⁾ заключается гораздо больше опытовъ (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія), чѣмъ въ опытѣ «дерево», «камень» и т. д.: опытъ «Я» кромѣ тѣла и его органовъ всегда содержитъ еще чувства, пріятныя или непріятныя, и мысли относительно составныхъ частей среды, которыя тогда-то были, но теперь отсутствуютъ, или—относительно чувствъ, которыя тогда-то, при наличности извѣстныхъ составныхъ частей среды, были частичнымъ опредѣленіемъ тѣхъ опытовъ, теперь же, при «мысленіи о нихъ», образуютъ опытъ на ряду съ мыслями.

82. Самыя чувства въ свою очередь могутъ быть опытомъ какъ нѣчто вещное;—тогда ихъ можно обозначать какъ чувственно-живое (Sinnlich-Lebhaftes), или, короче,—какъ чувственное; въ то время какъ вещи, составляющія наше тѣло или составныя части среды, равно какъ и эту послѣднюю, можно обозначить какъ тѣлесное.

83. Въ противоположность же тому вещному, которое составляютъ чувства, можно далѣе то вещное или тѣ «вещи», которыя обозначаются какъ «тѣлесное» и составляютъ органы тѣла, тѣло какъ цѣлое и составныя части среды,—обозначить какъ «вещи въ грубомъ смыслѣ» (Dinge).

84. Другая форма, въ которой чувства суть опыты (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія) есть, въ противоположность вещному, мысленное. Это—чувства, «запечатлѣнные» «въ мысляхъ»: чувства—воспоминанія; или чувства, лишенные бывшей раньше чувственной яркости, дающія теперь лишь «отзвукъ» таковой: чувства-фанта-

¹⁾ Сравни второе примѣчан. къ § 21.

зія. Чувства въ этой формѣ можно обозначать какъ не-чувственное (Nichtsinnliches).

85. Точно такъ же то, что въ одинъ моментъ было опытомъ какъ наличная вещь (Ding), въ позднѣйшій моментъ, когда она уже не имѣется болѣе въ наличности, все-таки можетъ быть опытомъ какъ мысль: въ опредѣленной связи съ раньше бывшею въ наличности вещью—вещью-воспоминаніемъ, а безъ этой связи—вещью-фантазіей. Тогда это обозначается какъ нетѣлесное.

86. Чувства «удовольствія или неудовольствія» характеризуютъ какъ вещи, такъ и мысли—какъ желательныя или нежелательныя, какъ привлекательныя или отвратительныя и т. д.; но они не суть единственные (частичные) опыты, посредствомъ которыхъ могутъ *характеризоваться* другіе (частичные) опыты такъ же какъ чувствами «удовольствія или неудовольствія», но въ иныхъ смыслахъ.

Другія значенія, могущія характеризовать вещи подобно чувствамъ «удовольствія или неудовольствія» суть, напр., «извѣстность», «чуждость» и т. д. Весь этотъ родъ въ упомянутомъ смыслѣ *характеризующихъ* опытовъ (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія) мы обозначаемъ какъ чувства въ широкомъ смыслѣ этого понятія или, проще,—какъ характеры.

87. Напротивъ, всѣ опыты (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія), которые считаются за основы характеровъ, какъ то: цвѣта, тоны, вкусы и т. д., мы обозначаемъ какъ элементы: и слѣдовательно опыты (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія), обозначенные какъ вещи и мысли, мы назовемъ еще, поскольку они состоятъ изъ многообразія элементовъ,—комплексами элементовъ.

88. Когда мы говоримъ о «составныхъ частяхъ среды» или о нашемъ «Я», о «мысляхъ» или «вещахъ», о «цвѣтахъ» или «удовольствіи или неудовольствіи» и т. д. какъ объ опытахъ просто, то этимъ всегда обозначаются лишь опыты въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія, т. е. «частичные опыты», а не «полные опыты», ибо въ

этихъ случаяхъ при «составныхъ частяхъ среды» *отвѣляются* отъ «Я», при «Я»—отъ «составныхъ частей среды», при мысляхъ—отъ имѣющихся на ряду съ ними (gleichzeitigen) «вещей» (напр. заключающихся въ такъ называемомъ «Я», или, наоборотъ, при «тонахъ»—отъ «сопутствующихъ» «чувствъ», при «чувствахъ»—отъ характеризующихъ ими элементовъ. Всякій же «полный опытъ» есть (по § 75 и слѣд.) многообразіе, которое складывается (разумѣя это выраженіе въ логическомъ смыслѣ) изъ всѣхъ этихъ частичныхъ опредѣленій.

89. Логическимъ разложеніемъ «полнаго опыта» на центральный членъ и противочленъ («логическимъ» разложеніемъ, ибо фактическое раздѣленіе немислимо) и логическимъ соединеніемъ центрального члена и его противочлена въ принципиальную координацію («логическимъ» соединеніемъ, ибо что никогда нераздѣлимо фактически, то никогда и фактически соединяемо быть не можетъ) достигается наиболѣе общее описаніе «полнаго опыта»; и всякій «частичный опытъ» этимъ является самымъ общимъ образомъ уже опредѣленнымъ. Но «частичный опытъ», какъ онъ понимается въ смыслѣ обычнаго словоупотребленія, не былъ бы *отмѣченнымъ* (kenntlich) уже черезъ это.

90. Поэтому мы сдѣлаемъ самое лучшее, если принципиальную координацію съ ея обоими членами мы будемъ понимать какъ наиболѣе общее формальное опредѣленіе «полнаго опыта», или какъ опредѣленіе «полнаго опыта» по его общей формѣ, а все то, что *отмѣчаетъ* намъ «частичный опытъ»,—опытъ въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія—будемъ понимать какъ матеріальное опредѣленіе «полнаго опыта» или какъ опредѣленіе его по его содержанію, беря выраженія «матеріальное опредѣленіе» и «содержаніе» въ *узкомъ* смыслѣ.

91. А такъ какъ лишь (erst) опредѣленіе опытовъ (въ смыслѣ обычнаго словоупотребленія) какъ «вещи въ грубомъ смыслѣ (Ding)» или «чувства», «вещи» (Sache) или «мысли» и т. д. дѣлаетъ ихъ *отмѣченными* (kenntlich)—

по крайней мѣрѣ въ общемъ,—то наши «частичные опыты», опыты въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія мы можемъ понимать какъ **матеріальныя** опредѣленія «полнаго опыта», или какъ опредѣленіе его по его **содержанію**.

IV.

92. Если мы спрашиваемъ объ «опытахъ» составляющихъ предметъ психологіи (§ 68), мы должны искать таковыя прежде всего между опытами въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія, — между «частичными, опытами», ибо психологія безъ сомнѣнія непосредственно имѣетъ дѣло съ тѣми опытами, которые образуютъ *матеріальное* опредѣленіе «полнаго опыта», или *содержаніе* «полнаго опыта»,—а это именно опыты въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія. Въ этомъ отношеніи въ эмпирической психологіи—какъ спеціальной наукѣ—дѣло обстоитъ такъ же, какъ и во всѣхъ остальныхъ спеціальныхъ наукахъ: непосредственнымъ предметомъ онѣ имѣютъ извѣстные роды какъ группы опытовъ въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія, именно одно или нѣсколько матеріальныхъ опредѣленій «полнаго опыта» (не обращая вниманія на другія матеріальныя опредѣленія); и такъ какъ онѣ всегда стараются посредствомъ описанія свойствъ и связей спеціально ими, спеціальными науками, избранныхъ опытовъ въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе, точнѣе и проще опредѣлить *содержаніе* «полнаго опыта», то и всѣ спеціальныя науки намѣренны или ненамѣренны всегда работаютъ и надъ болѣе полнымъ, точнымъ и простымъ опредѣленіемъ содержанія и самого «полнаго опыта».

93. Для удобства читателя я приведу «частичные опыты» —опыты въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія, к о то-

ры е прежде всего относятся къ нашему вопросу (§ 92)¹⁾ въ слѣдующей таблицѣ:

	А. Элементы, комплексы элементовъ:	В. Характеры:
I. Вещи или вещное:	Тѣлесныя вещи (Dinge).	Живыя (sinnliche) чувства (въ широкомъ смыслѣ).
II. Мысли или мысленное:	Нетѣлесныя вещи (Ding) — воспоминаванія и вещи-фантази.	Неживыя чувства — воспоминаванія и чувства-фантази.

в. Опытъ какъ зависящее отъ индивида.

I.

94. Обозрѣвать нашу простую таблицу (§ 93) мы будемъ съ точки зрѣнія нашей спеціальной задачи и начнемъ съ «вещей» (Sachen) или «вещнаго».

Здѣсь, среди элементовъ или комплексовъ элементовъ, прежде всего приведены «тѣлесныя вещи» (Dinge). Такъ какъ это—составныя части среды и собственное тѣло съ его органами, а также и сочеловѣки, поскольку они также опредѣляются какъ составныя части среды, все разбираемое физикой, химіей, ботаникой, зоологіей, физиологіей и т. д. какъ ихъ спеціальныя предметы, то нашъ вопросъ, кажется, тотчасъ же рѣшается тѣмъ, что всѣ тѣлесныя вещи (Dinge) съ ихъ свойствами, состояніями, связями, функціями, или болѣе общо: что—принимая въ соображеніе и конкретныхъ тѣлесныхъ индивидовъ—«тѣлесный міръ»—а безъ упомянутого принятія въ соображеніе конкретныхъ тѣлесныхъ индивидовъ (слѣдовательно совершенно абстрактно):—«матерія», какъ таковая, не есть предметъ психологіи.

¹⁾ Отъ «последовательныхъ образовъ» (Nachbild) etc. я могу отвлекаться и въ этомъ мѣстѣ.

II.

95. Во вторыхъ, къ «вещамъ» (Sachen) или «вещному» относятся «чувства» въ широкомъ смыслѣ, поскольку они встрѣчаются въ чувственной яркости: чувства живыя (въ широкомъ смыслѣ).

Насколько бываютъ склонны тѣлесныя вещи (Dinge) *eo ipso* исключать изъ психологіи, настолько будутъ склонны чувства *eo ipso* оставить предметомъ психологіи. Однако противъ этого оставленія должны протестовать всѣ тѣ теософы и философы, которые признаютъ «божественную любовь какъ міровую основу» или «совершенно первоначальную волю какъ вещь въ себѣ». И въ самомъ дѣлѣ: такъ какъ эта божественная любовь, эта первосущая воля должны быть—какъ метафизическій *prîus*—предпосылкой эмпирическихъ человѣческихъ индивидовъ, то они не могутъ быть предметомъ эмпирической психологіи, такъ какъ ея предметомъ могутъ считаться лишь опыты, т. е. опыты, содержащіеся въ принципиальной координаціи.

96. Если же понятія творящей міръ любви, лежащей въ основѣ міра воли подвергаются обсужденію по психологическимъ методамъ, то они уже не предпосылка человѣческихъ индивидовъ, а наоборотъ человѣческіе индивиды мыслятся какъ предпосылка этихъ понятій и этихъ чувствъ¹⁾, дающихъ этимъ понятіемъ эмпирическое содержаніе. Уже здѣсь дѣлается замѣтнымъ нѣкоторое отношеніе какъ критерій принадлежности чего-либо къ психологіи, которое въ послѣдующемъ выступить болѣе отчетливо.

III.

97. Если мы перейдемъ теперь въ нашей таблицѣ къ «мыслямъ» или къ «мысленному», то вещи-воспоминанія и вещи-фантазіи, съ одной стороны, и чувства-

¹⁾ Я не вхожу здѣсь въ вопросъ о томъ, можно ли сводить волю къ чувству въ широкомъ смыслѣ; для главной цѣли этихъ замѣтокъ отвѣтъ на него безразличенъ. Сравни впроч. «Kt. d. g. Erf.» Bd. II, § 151 и слѣд.

воспоминанія и чувства-фантазіи, съ другой, мы можемъ трактовать какъ относящееся къ предмету психологіи безъ опасеній: оба вида образовъ воспоминанія и образовъ фантазіи считаются безусловно предметомъ эмпирической психологіи.

«Дерево передъ нами» не можетъ принадлежать къ предмету психологіи—но «мысль о деревѣ» или «понятіе дерева»—безусловно, какъ признается предметомъ психологіи не только подобное чувству впечатлѣніе, производимое «шелестомъ листьевъ дерева», но также и «воспоминаніе (Zurückdenken) объ этомъ впечатлѣніи отъ шелеста».

98. Однако, отдача психологіи «мысленнаго» — «не чувственныхъ», или, иначе выражаясь, «идеальныхъ», «духовныхъ» и т. д. величинъ вовсе не такъ «безусловна». «Идеи» Платона были сущностями такого «идеальнаго» («духовнаго», «не-чувственнаго») порядка и несмотря на это онѣ были предметомъ не психологіи, а, какъ и Шопенгауэровская «воля», предметомъ метафизики—если такая наука могла бы существовать—; и дѣлать Платоновскія «идеи» предметомъ психологіи равнялось бы лишенію ихъ своей подлинной сущности.

99. Но мы опять-таки спрашиваемъ: а почему Платоновскія «идеи», если ихъ понимать по-платоновски—не предметъ психологіи? Пожалуй, въ отвѣтъ можно было бы ожидать: «потому, что эмпирическая психологія, какъ таковая, имѣетъ дѣло съ опытами, Платоновскія же «идеи» (въ смыслѣ Платона) именно и не суть опыты».

Настолько естественъ, конечно, такой отвѣтъ, настолько онъ неосмотрителенъ. Если довольствоваться, чтобы что-либо дѣлать предметомъ психологіи, лишь опредѣленіемъ какъ «опыта», то предметомъ психологіи должны быть и движенія листьевъ дерева, и колебанія Галилеевской лампы или маятника Фуко, а также и всѣ остальные физическіе, фізіологическіе, геологическіе и т. под. объекты.

100. Слѣдовательно исключить изъ предметовъ психологіи Платоновскія «идеи» мы должны не потому, что онѣ не «опытъ», но по основаніямъ подобнымъ тѣмъ, по которымъ исключаются изъ предметовъ психологіи движенія листьевъ и колебанія маятника, которыя суть «опытъ»; и это потому, что Платоновскія «идеи» должны быть столь же **независимыми** отъ Платона, какъ независимы отъ Галилея или Фуко эти колебанія маятника.

101. Теперь мы видимъ, какое условіе должно присоединиться къ «мысленному», чтобы оно стало предметомъ психологіи: въ-себѣ-бытіе должно быть снято,—на мѣсто изолированности должна вступить связь (Zusammenhang) съ человѣческимъ индивидомъ, то есть на мѣсто независимости отъ высказывающаго индивида должна вступить зависимость отъ него.

102. Какъ только я разсматриваю Платоновскія идеи какъ «образы фантазіи» Платона, я выполняю это условіе; конечно, благодаря этому Платоновскія «идеи» перестаютъ быть тѣмъ, за что ихъ считалъ Платонъ, но за то онѣ тотчасъ же становятся предметомъ психологіи.

То же самое имѣетъ силу и относительно Шопенгауеровской «воли»: какъ только я беру ее какъ такъ называемое «представленіе», которое Шопенгауеръ образовалъ себѣ относительно «міра»,—слѣдовательно какъ спеціальную форму «мышленія» «міра» (среди другихъ мыслимыхъ формъ)—такъ эта «воля» поставляется къ Шопенгауеру въ отношеніе зависимости, она является (въ логическомъ смыслѣ) обусловленнымъ, къ условіямъ котораго относится и Шопенгауеръ.

IV.

103. Теперь мы видимъ также, что даже и «дерево передъ нами», «движенія листьевъ», «движущійся тѣлесный міръ вообще» могутъ становиться предметомъ психологіи, именно *поскольку* мы можемъ мыслить ихъ извѣстнымъ обра-

зомъ въ связи съ высказывающимъ индивидомъ и въ этой связи извѣстнымъ образомъ (логически) зависящими отъ свойствъ (Beschaffenheiten) этого индивида, такъ что, напр., «дерево», какъ (въ логическомъ смыслѣ) обусловленное, въ своихъ условіяхъ *вполнѣ* можетъ быть *опредѣлено* лишь съ принятіемъ въ соображеніе этой зависимости [его] отъ индивида.

104. И дерево находится въ такомъ отношеніи зависимости не только случайно—отъ садовника, посадившаго и вырастившаго его съ извѣстной цѣлью, но также и принципиально отъ всякаго наблюдателя: связь дана здѣсь тѣмъ, что дерево образуетъ принципиальную координацію съ наблюдателемъ; (логическая) зависимость отъ наблюдателя дана здѣсь тѣмъ, что въ этой принципиальной координаціи дерево можетъ быть *противочленомъ* лишь подъ тѣмъ (логическимъ) условіемъ, что оно есть противочленъ для *центрального члена*;—центральный же членъ въ этомъ случаѣ есть наблюдатель; слѣдовательно къ (логическимъ) условіямъ, при которыхъ дерево только и можетъ быть *вполнѣ* опредѣлено, относится также и индивидъ, какъ центральный членъ той принципиальной координаціи, противочленъ которой есть именно дерево ¹⁾.

105. Выше приведеннымъ требованіямъ удовлетворяютъ и тѣ опыты (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія), которые ближе обозначаются какъ «мысли» или «чувства»: всѣ они находятся въ неразрывной связи съ индивидомъ, который ихъ «имѣетъ», и всѣ они въ извѣстной мѣрѣ зависимы отъ этого индивида.

106. Такимъ образомъ по нашему разсмотрѣнію выходитъ, что то, что всегда можетъ быть предметомъ науки, то можетъ быть и предметомъ эмпирической психологіи, если удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ,

что это нѣчто допускается въ отношеніи индивида какъ опытъ (въ смыслѣ обыденнаго словоупотре-

¹⁾ Подробнѣе объ этой зависимости—въ моемъ «Weltbegriff»'ѣ.

бленія); что этотъ опытъ стоитъ въ связи съ индивидуомъ, въ отношеніи къ которому онъ допускается какъ опытъ; что эта связь есть отношеніе зависимости (въ логическомъ смыслѣ) отъ этого индивида, именно такая, что опытъ понимается въ отношеніи къ соотвѣтствующему индивиду какъ, въ логическомъ смыслѣ, обусловленное, которое въполнѣ можетъ быть опредѣлено въ своихъ условіяхъ лишь съ принятіемъ въ соображенія этой зависимости его отъ соотвѣтствующаго индивида.

V.

107. Какъ же обстоитъ теперь дѣло съ только и остающейся еще принципіальной координаціей? Можетъ ли и она стать предметомъ психологіи?

Мы поняли ее (§ 90) какъ самое общее формальное опредѣленіе «полнаго опыта», какъ общую форму послѣдняго. Нѣтъ сомнѣнія, что и эту общую форму «полнаго опыта» можно разсматривать какъ частичное опредѣленіе послѣдняго и какъ таковое—опять-таки принадлежащимъ къ содержанію вообще «полнаго опыта», хотя и при *расширенномъ* понятіи выраженія «содержаніе». Слѣдовательно съ этой стороны возможное включеніе въ число предметовъ психологіи принципіальной координаціи не представляетъ затрудненій.

108. Она не создаетъ таковыхъ и со стороны своихъ составныхъ частей, ибо въ ней не содержится ничего такого, чего уже не содержалось бы въ «опытахъ въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія», уже предоставленныхъ психологіи. Различіе создаетъ здѣсь лишь своеобразное направленіе ихъ абстрагированія (именно—отъ всякаго *отдѣльнаго* содержанія опыта) и, вслѣдствіе такой абстракціи—ея всеобщность, но это и дѣлаетъ то, что ее можно обозначить именно какъ «общую форму полнаго опыта».

109. Слѣдовательно и принципіальная координація можетъ стать предметомъ психологіи, поскольку она —

взятая хотя и какъ *абстрактное* содержаніе опыта, но все же какъ содержаніе опыта—можетъ пониматься въ томъ же смыслѣ зависящую отъ соотвѣтствующаго индивида, какъ и остальные содержанія опыта.

VI.

110. Прежде чѣмъ формулировать результатъ нашего разсмотрѣнія, мы еще разъ остановимся на (логическомъ) отношеніи предметовъ психологіи къ опыту.

Если всѣ «опыты» могутъ стать предметомъ эмпирической психологіи, то—обратно—и всѣ предметы эмпирической психологіи выполняютъ требованіе быть «опытами» въ возможномъ смыслѣ:—«Тѣлесныя вещи (Dinge)», образующія составныя части нашей среды и нашего тѣла, «радости» и «страданія», «стремленія» и «надежды» и т. д.

Ну а понятія типа Платоновскихъ «идей»?—Теперь мы видимъ, въ какомъ смыслѣ и Платоновскія «идеи», хотя бы ихъ и не считали самихъ по себѣ лишь за «опытъ», чтобы дѣлать ихъ предметомъ психологіи (сравни выше § 99), все же, поскольку онѣ становятся предметами психологіи, должны обозначаться какъ «опытъ»: какъ хотя и не существуетъ центавра, однако *мысль* «центаврѣ» есть опытъ, такъ хотя и нѣтъ «идей» Платона, однако *мысль* о такихъ самихъ по себѣ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ истинныхъ сущностяхъ есть «опытъ». Слѣдовательно, если «идеи» Платона и не суть «опытъ» въ смыслѣ Платоновской теоріи познанія, то все же онѣ могутъ быть названы «опытами», если ихъ аналитически описываютъ какъ то, что онѣ есть:—какъ «мысли» Платона¹⁾.

111. Послѣ того, какъ «полный опытъ» былъ (логически) разложенъ на центральный членъ и противочленъ принципіальной координаціи и сама принципіальная коорди-

¹⁾ Kritik, § 960 и слѣд.—Конечно, это имѣетъ силу и относительно другихъ понятій, содержаніе которыхъ въ «гносеологическомъ» смыслѣ обыкновенно обозначается какъ «неопытное»,—какъ, напр., и относительно понятія самой «души».

нація была причислена къ содержанію опыта; послѣ того, далѣе, какъ тѣ величины, которыя въ смыслѣ теоріи познанія «не эмпиричны», были охарактеризованы какъ «опыты въ смыслѣ просто аналитическаго опредѣленія,— можно, наконецъ, дать отвѣтъ на нашъ вопросъ о предметѣ психологіи въ слѣдующемъ:

предметъ эмпирической психологіи есть каждый опытъ, поскольку онъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ есть опытъ, берется **какъ зависящій отъ того индивида**, въ отношеніи къ которому онъ въ этомъ смыслѣ есть опытъ.

с. Опытъ какъ зависящій отъ системы С.

I.

112. Анализъ зависимости опыта отъ индивида, въ отношеніи къ которому онъ допускается какъ опытъ, приводитъ, какъ я не разъ пытался выяснитъ здѣсь, къ центральной нервной системѣ, или къ системѣ С соотвѣтствующаго индивида, какъ къ тому, чѣмъ всякій опытъ, поскольку онъ зависитъ отъ индивида, непосредственно обусловленъ (въ логическомъ смыслѣ)¹⁾. То

¹⁾ Kritik, § 69 и слѣд.: Если я прослѣживаю такое нервное образованіе (какъ, напр., зрительный нервъ) дальше и дальше, отъ его самаго вѣшняго периферическаго конца, вдоль по волокнамъ и до мозга, то я долженъ достигъ такой нервной подсистемы, отъ которой содержаніе высказыванія зависитъ наконецъ непосредственно, т. е. которую я не могъ бы допустить отпавшей (экспериментально или патологически), не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнымъ считать за отпавшее и зависящее отъ нея содержаніе высказыванія — именно какъ зависящее отъ нея. Такая нервная подсистема, собирающая въ себѣ идущія отъ периферіи измѣненія и распределяющая измѣненія, отходящія къ периферіи, будетъ обозначаться какъ «система С».

Впрочемъ, можно рекомендовать болѣе рельефно дифференцировать способъ обозначенія **условій** опыта (или содержаній высказываній), именно такъ, что поскольку нервная подсистема принимается въ изображеніе въ качествѣ **тѣлеснаго органа**, слѣдуетъ примѣнять выраженіе «система С»; напротивъ, поскольку нервная подсистема предполагается какъ **совокупность системныхъ предварительныхъ условий измѣненій тѣлеснаго органа**, для обозначенія ея слѣдуетъ пользоваться просто символомъ «С» (сравни Krit. § 95, 100 и слѣд.).

есть: индивидъ, какъ болѣе богатое многообразіе, къ которому опыты и относятся какъ вообще зависящее отъ него, *замѣщается* менѣе многообъемлющей системой С¹).

113. Тогда результатъ нашего изслѣдованія можно формулировать еще болѣе кратко въ слѣдующемъ:

предметъ психологіи есть опытъ вообще, какъ зависящій отъ системы С.

114. Содержаніе этого положенія слѣдуетъ разсматривать уже не какъ элементарное «опредѣленіе предмета», а какъ результатъ эмпирической психологіи²).

II.

115. Въ заключеніе достаточно будетъ просто напомнить о томъ, что было бы совершенно тщетной попыткой при анализѣ зависимости опыта отъ индивида, а значитъ — зависимости каждаго опыта отъ мозга (сист. С.) все-таки влагать «тѣлесныя вещи (Dinge)» — какъ «*воспріятія*», а «нетѣлесныя мысли» — какъ «*представленія*» въ мозгъ, или въ силу этой аналитически опредѣляемой зависимости ихъ отъ мозга все-таки считать «внутренне-сущее» или опыты за «состоянія» въ мозгу или за (фізіологическія, психическія, психофізическія) «функціи» мозга. Напр. точнѣйшее экспериментальное доказательство того, что простѣйшій «цвѣтъ», или сложнѣйшее «неудовольствіе», зависитъ отъ *опредѣленнаго измѣненія системы С* «испытуемаго», — доказываетъ только то, что это *опредѣленное измѣненіе системы С* замѣщается индивидомъ, поскольку онъ понимается какъ условіе этого «цвѣта» или «неудовольствія»; и всякое доказательство подобнаго рода логически правомѣрно можетъ имѣть

¹) «Weltbegriff» § 158 и слѣд.

²) Соотвѣтственно специальной цѣли этихъ замѣчаній, я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе какихъ-либо по виду родственныхъ ученій, появившихся до опубликованія этого сочиненія, но послѣ выхода въ свѣтъ «Krit. d. g. Erf.» и «Weltbegriff»'а.

лишь тотъ смыслъ, что для «испытуемаго» соответствующій «цвѣтъ» или «неудовольствіе» есть въ томъ же смыслѣ составная часть центрального члена или противочлена той принципиальной координаціи, за центральный членъ которой принимается «испытуемый», къ какомъ они [«цвѣтъ», «неудовольствіе»] являются тѣмъ же для экспериментатора въ той принципиальной координаціи, къ которой принадлежитъ послѣдній, какъ центральный членъ¹⁾).

116. Другое истолкованіе, именно что мозгъ есть физическое сѣдалище «души» или «цвѣтовыхъ ощущеній» и т. д.—или ихъ фізіологическій органъ, а они, тѣмъ самымъ, «психическія функціи мозга» и т. под.—это логически неправомѣрное истолкованіе зависимости «цвѣтовъ», «чувствъ» и т. д. отъ мозга есть не основаніе интроекціи, а ея слѣдствіе: интроекція старше полаганія мозга *сѣдалищемъ* «души» или *органомъ* «ощущеній». И не познаніе функціональной связи «цвѣтовъ», «чувствъ» и т. д. съ измѣненіями состоянія мозга привело ко вложенію «цвѣтовъ», «чувствъ» и т. д. въ мозгъ, но наоборотъ: вложеніе «ощущеній» въ мозгъ позволило стать периферическимъ чувствующимъ нервамъ посредниками, а центральной нервной системѣ *мѣстомъ* и *органомъ* «чувственныхъ ощущеній».

2. Предметъ эмпирической психологіи и понятіе метафизическаго дуализма.

а. „Полный опытъ“ ни „физическое“, ни „психическое“.

I.

117. Наше изслѣдованіе о предметѣ эмпирической психологіи дало кромѣ положительнаго опредѣленія послѣдняго еще и отрицательный результатъ: предметъ психологіи не есть какое-то «Психическое» въ смыслѣ дуалисти-

¹⁾ «Weltbegriff» § 158 и слѣд.

чески—*особой сущности*, одной стороны «сущаго», противоположаемой, по крайней мѣрѣ въ понятіи *другой стороны* его, или хотя бы въ смыслѣ *особаго вида* опыта, отличнаго отъ остальнаго опыта. Все то, что метафизическій дуализмъ старается утвердить какъ такую особую, своеобразную, самостоятельную или хотя бы феноменальную (*zuständliche*) «основу психическаго» (*Entität des Psychischen*), при критическомъ прикосновеніи оказывается лишь фальшивымъ продуктомъ интросекціи.

Послѣдующія соображенія можетъ быть могутъ послужить подтвержденію этого отрицательнаго результата нашего изслѣдованія.

118. Если исходнымъ пунктомъ философіи признается естественное понятіе о мірѣ, то уже этимъ «полный опытъ» (§ 76) опредѣляется какъ естественный предметъ философскаго образованія понятій. Если «полный опытъ» удерживается свободнымъ отъ всякихъ извращеній, идущихъ именно со стороны интросекціи, то понятіе о мірѣ остается свободнымъ отъ всякаго метафизическаго дуализма. Къ этому устраняемому дуализму относится, прежде всего, абсолютная противоположность между «тѣломъ и душою», «матеріей и духомъ» — кратко: между «физическимъ и психическимъ». Эта противоположность исчезаетъ изъ чистаго «полнаго опыта» потому, что въ чертѣ неискаженнаго «полнаго опыта» нѣтъ ни «физическаго», ни «психическаго» въ метафизическомъ абсолютномъ смыслѣ этого понятія.

119. Въ очищенномъ «полномъ опытѣ» нѣтъ «физическаго» — «матеріи» въ метафизическомъ абсолютномъ смыслѣ этого понятія, потому что въ этомъ смыслѣ матерія есть лишь абстракція: она была бы лишь совокупностію противочленовъ въ отвлеченіи отъ всякаго центральнаго члена. Но какъ въ принципіальной координаціи, т. е. именно въ полномъ опытѣ, противочленъ не мыслимъ безъ центральнаго члена, такъ и «матерія», въ метафизическомъ абсолютномъ смыслѣ этого понятія, была бы полнѣйшей немислимостію.

II.

120. Столь же нетрудно показать, что въ чистомъ «полномъ опытѣ» нѣтъ и «психическаго», какъ дуалистически особаго бытія.

Для этого нужно вспомнить здѣсь о томъ, что, напр., «дерево» какъ «нетѣлесная мысль» нисколько не «понятнѣе» и нисколько не «удивительнѣе» чѣмъ «дерево» какъ «вещь» (Sache), какъ «тѣлесный предметъ» (Ding). Слѣдовательно предполагаемое дуалистическое различіе между «физическимъ» и «психическимъ» могло бы служить цѣлямъ «большей понятности» лишь съ точки зрѣнія ненаучной наивности.

121. Конечно, для простого «описанія» между «деревомъ» какъ «тѣлесною вещью» (Ding) и «деревомъ» какъ «нетѣлесною мыслью» имѣется весьма важное различіе ¹⁾; но это различіе совсѣмъ не можетъ быть абсолютно раздѣляющимъ «физическое» и «психическое». Въ общемъ «дерево» какъ «тѣлесная вещь» и «дерево» какъ «нетѣлесная мысль» относятся другъ къ другу такимъ образомъ, что сначала для индивида «дерево» какъ «тѣлесная вещь» есть первый «опытъ» (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія); потомъ для него «дерево» какъ «отображеніе» (Nachscheinen) или «вторичное явленіе» (Wiederscheinen) ²⁾ прежней «тѣлесной вещи» (Ding) есть второй «опытъ» (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія), именно какъ «нетѣлесная мысль». Если бы «дерево» какъ «тѣлесная вещь» и «дерево» какъ «нетѣлесная мысль» были чѣмъ-то абсолютно различными, какъ различно въ метафизическомъ смыслѣ «физическое» и «психическое», то въ «деревѣ» какъ «тѣлесной вещи» и въ «деревѣ» какъ «нетѣлесной мысли» мы имѣли бы два «опыта» различныхъ не специфически, но *totò genere*, одинъ изъ которыхъ («нетѣлесная мысль») все-таки стоялъ бы къ другому

¹⁾ Сравни выше § 46 и «Weltbegriff» § 141.

²⁾ Сравни «Krit. d. r. Erf.» II, § 515.

(«тѣлесной вещи») въ отношеніи «отображенія или— «вторичнаго явленія». Но одинъ «опытъ» («нетѣлесная мысль») никогда не можетъ быть опредѣленъ удовлетворительно (*nach zureichenden Bedingungen*) въ этой своей зависимости отъ другого «опыта» («тѣлесной вещи»), если между обоими «опытами» (въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія) находится непреходимая пропасть, которую всегда заставляетъ перейти абсолютное различіе въ единомъ «полномъ опытѣ» «физическаго» и «психическаго» въ метафизическо-дуалистическомъ смыслѣ¹⁾).

122. Такъ какъ между «тѣлесными вещами» и «нетѣлесными мыслями» нѣтъ абсолютнаго различія въ метафизическомъ смыслѣ, то вполнѣ безразлично, т. е. одинаково ничего незначаще, считать ли «тѣлесныя вещи» за «психическое» или не считать. Если считать, то для «*психическаго*» не остается совершенно отличнаго *особаго вида* опыта; если же не считать, то можно было бы лишь произвольно называть «нетѣлесныя мысли» «*психическими*» въ смыслѣ совершенно отличнаго, *особаго вида* опыта (сравни выше § 117).

III.

123. Остается еще предостеречь отъ перенесенія на почву чистаго «полнаго опыта» приѣма, при интроспекционистическомъ мышленіи кажущагося приносящимъ желательные плоды. При интроспекционизмѣ можно было говорить: «сочеловѣкъ хотя и можетъ быть очень сложнымъ механизмомъ, но онъ есть «еще и нѣчто другое», и это другое есть «психическое». Вѣдь и эмпириокритицизмъ признаетъ, что относительно сочеловѣческихъ движеній нужно допускать «болѣе чѣмъ механическое значеніе»; но вѣдь это «болѣе чѣмъ механическое значеніе» и есть именно «психическое».

¹⁾ Отношеніе зависимости «нетѣлесной мысли» къ «тѣлесной вещи» можетъ быть станетъ еще отчетливѣе, если принять въ соображеніе «последовательные образы», составляющіе видъ переходныхъ формъ между обоими этими «опытами».

Нѣтъ! Это «болѣе» въ понятіи «болѣе чѣмъ механическаго» отнюдь не есть «психическое» въ метафизическо-дуалистическомъ смыслѣ, ибо когда я снова отнимаю отъ производящаго движенія сочеловѣка это «болѣе», которое я приписалъ ему, то производящій движенія сочеловѣкъ остается просто противочленомъ; когда же я вновь присоединяю къ нему это «болѣе», то я получаю производящаго движенія сочеловѣка лишь какъ центральный членъ; но такъ какъ вообще въ «полномъ опытѣ» нѣтъ «психическаго» въ метафизически-дуалистическомъ смыслѣ, то, въ частности, нѣтъ такового и въ правильно (reip) понятіемъ центральномъ членѣ.

в. Различіе „ощущающаго“ отъ „лишеннаго ощущенія“.

I.

124. Родственная попытка, оставляющая «психическое» какъ особую сущность, уясняется самимъ вопросомъ: въ чемъ различіе между мною и лишеннымъ ощущенія, напр. какой-нибудь безжизненной составной частью моей среды?

Различіе это поясняется тогда такимъ образомъ: «я ощущаю уколъ иголкой, а эта безжизненная составная часть среды его не ощущаетъ». И безъ затрудненій угадываемый смыслъ вопроса находится въ отвѣтѣ, который втихомолку даетъ спрашивающій самому себѣ: «то, что я ощущаю уколъ иголкой—есть психическое!»

125. Прежде всего мы констатируемъ двоякое:

- 1) Въ вопросѣ о различіи между мною и лишеннымъ ощущенія «мертвой составной частью среды» отсутствіе ощущенія у «мертвой составной части» среды просто предполагается.
- 2) Отвѣтить на этотъ вопросъ можно—если на него вообще можно отвѣтить—лишь съ моей, не могущей быть покинутой мною, мѣстной точки зрѣнія и лишь въ результатѣ сравненія обоихъ противопоставляемыхъ другъ другу членовъ: ощущающаго уколъ игол-

кой «Я» и не ощущающей уколъ иглой «безжизненной составной части среды».

126. Но что значить, что «безжизненная составная часть среды не ощущаетъ укола иглой»? Если мы допустимъ, —а это есть логически правомѣрное допущеніе, которое мы можемъ сдѣлать,—что смыслъ этого положенія чисто отрицательный, то отрицается, что «безжизненная составная часть среды» ощущаетъ уколъ иглой, то есть, точнѣе: отрицается, что эта «составная часть моей среды» въ томъ же смыслѣ ощущаетъ уколъ иглой, какъ и я.

Чтобы понять значеніе этого отрицанія, мы должны продумать значеніе утвердительнаго положенія: «я ощущаю уколъ иглой». Но оно значить, что въ принципіальной координаціи «индивидъ—иглой» «индивидъ» есть центральный членъ, а «иглой»—противочленъ;—что индивидъ есть такъ называемое «Я»;—что такъ называемое «Я» есть многообразіе, составленное, опредѣленнымъ образомъ, изъ «вещей» (Sachen) и «мыслей»;—что съ проникновеніемъ иглой въ кожу это многообразіе увеличивается однимъ (характеризуемымъ какъ *болѣзненный*) элементомъ *уколъ* ¹⁾.

127. Что же значило бы теперь, что «безжизненная составная часть среды ощущаетъ уколъ иглой»? Это значило бы, что эта «безжизненная составная часть среды» есть существо (Wesen) какъ я,—она образуетъ, разсматривая съ моей мѣстной точки зрѣнія, вторую принципіальную координацію съ иглой, въ которой иглой есть противочленъ, а сама она есть центральный членъ.

128. Слѣдовательно [положеніе]: «безжизненная составная часть среды не ощущаетъ укола иглой» значить лишь то, что съ моей мѣстной точки зрѣнія «безжизненная составная часть среды» не допускается въ качествѣ центрального члена второй принципіальной координаціи, въ которой иглой была бы противочленомъ въ отношеніи къ этой составной части среды.

¹⁾ Сравни «Weltbegriff» § 141.

129. Такимъ образомъ вопросъ о различіи между мною и лишенной ощущенія «безжизненной составной частью среды», если онъ не долженъ быть оставленъ внѣ разсмотрѣнія съ моей, не могущей быть оставленной, мѣстной точки зрѣнія,—съ которой только и можно его ставить и отвѣчать на него — становится вопросомъ: «что составляетъ, съ моей мѣстной точки зрѣнія, различіе между центральнымъ членомъ и противочленомъ, если брать его просто какъ такой, а не какъ еще и центральный членъ нѣкоторой второй принципиальной координаціи»? ¹⁾).

II.

130. Очевидно, что и на вопросъ о различіи между центральнымъ членомъ и просто противочленомъ, какъ онъ есть съ моей мѣстной точки зрѣнія, можно отвѣчать лишь въ результатѣ сравненія [того и другого] съ моей мѣстной точки зрѣнія.

Вспомнимъ прежде всего то, что наше естественное понятіе о мірѣ содержитъ двѣ логически разнаго значенія составныя части: многообразіе фактически первоначально находимаго и гипотезу (см. выше § 20). Сравнивая себя, какъ центральный членъ, съ «безжизненной составной частью среды» какъ *просто* противочленомъ, поскольку дѣло идетъ о различіи фактически первоначально находимаго во мнѣ и въ «безжизненной составной части среды», я нахожу различіе въ величинѣ, тяжести, цвѣтѣ, формѣ etc. Тотчасъ же ясно, что это различіе совсѣмъ не касается предложеннаго вопроса.

131. Слѣдовательно, чтобы добраться до того различія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, я долженъ перейти къ включенной въ мое естественное понятіе о мірѣ *гипотезы*. Но содержаніе ея состоитъ въ томъ, что противочленъ той принципиальной координаціи, къ которой принадлежу я

¹⁾ Сравни выше § 123.

самъ какъ центральный членъ, допускается во второй принципиальной координаціи такъ же и въ томъ же смыслѣ какъ центральный членъ. Но подлинный смыслъ предположенія, что «безжизненная составная часть среды» не ощущаетъ укола иголкой, вѣдь тотъ, что «безжизненная составная часть среды» не есть центральный членъ въ отношеніи къ иголкѣ. Слѣдовательно требованіе сравнивать меня и «безжизненную часть среды» иначе чѣмъ лишь въ отношеніи фактически первоначально находимаго, находящагося во мнѣ и въ этой составной части моей среды, уже заключаетъ гипотезу, что «безжизненная составная часть среды» не есть «просто противочленъ» и этимъ противорѣчитъ положенному въ основу предположенію, что она есть «просто противочленъ». И такъ какъ, повтому, вопросъ объ иномъ различіи, чѣмъ различіе въ фактически первоначально находимомъ содержитъ въ себѣ фундаментальное противорѣчіе, то слѣдуетъ, что то различіе, къ которому нужно было притти изъ предложеннаго вопроса, здѣсь совсѣмъ не можетъ быть введено въ разсмотрѣніе.

III.

132. Выше (§ 126) мы исходили изъ допущенія, что смыслъ положенія: «безжизненная составная часть среды не ощущаетъ укола иголкой» чисто отрицательный, и это допущеніе было логически относительно наиболѣе правомѣрное. Но на самомъ дѣлѣ у преобладающаго большинства спрашивающихъ такъ на заднемъ планѣ скрывается положительная мысль. «Оставятъ себя на точку зрѣнія» «безжизненной составной части среды» и тѣмъ самымъ въ ея «не-ощущеніи укола иголкой» мыслить все-таки нѣчто положительное, именно то, что «безжизненная составная часть среды ощущаетъ уколъ такъ же мало, какъ ощущаютъ его, напр., во снѣ, въ наркозѣ, при перевязанномъ осязательномъ нервѣ и т. д.

133. Этотъ положительный смыслъ отрицательнаго положенія вытекаетъ изъ основанія логически еще болѣе со-

мнительнаго, ибо спрашивающій о различіи между «собой» и «лишенной ощущенія мертвой составной частью среды» въ тотъ самый моментъ, когда онъ надѣется вывести изъ предположеннаго принципиальнаго отличія «его самого» отъ «безжизненной составной части среды» особую сущность — «психическое», въ принципѣ дѣлаетъ уравненіе, что «безжизненная составная часть среды» есть существо какъ «я» и этимъ опять снимаетъ это принципиальное различіе.

IV.

134. Лишь простой и ничуть не болѣе удачный вариантъ этой попытки обосновать особую сущность «психического» представляетъ собою слѣдующій оборотъ: конечно, различіе въ величинѣ, тяжести, цвѣтѣ, формѣ и т. д. вовсе не входитъ въ вопросъ о различіи между мною и лишенной ощущенія «безжизненной составной частью среды»; но это *внѣшнее* различіе здѣсь и не подразумѣвается, — подразумѣвается, естественно, *внутреннее* различіе между мною и «безжизненной составною частью среды».

Но и въ этомъ пониманіи рѣшаемый вопросъ остается, на самомъ дѣлѣ, поставленнымъ съ мѣстной точки зрѣнія, съ которой неизбѣжно разсматриваютъ составную часть среды и должны отвѣчать въ результатѣ сравненія съ этой мѣстной точки зрѣнія; и тогда тщательнѣйшее сравненіе Внутренняго моего и Внутренняго «безжизненной составной части среды» даетъ конечно громадное различіе въ конституціи, но ни малѣйшаго различія между мною и предполагаемою неспособностью ощущать (*Empfindungslosigkeit*) у этой составной части среды.

135. А такъ какъ слѣдуетъ допустить, что ставящій вопросъ самъ предвидѣлъ такой результатъ (*Misserfolg*) сравненія, то слѣдуетъ, что допускалось большее: онъ собственно разумѣлъ «Внутреннее» не въ смыслѣ дѣйствительно пространственнаго опредѣленія. Но въ какомъ смыслѣ онъ разумѣлъ его—это мы уже знаемъ изъ нашего раннѣйшаго разсмотрѣнія. Слѣдовательно въ этомъ

случаѣ спрашивающій присоединилъ къ тому общему недостатку, что съ его вопросомъ составная часть среды, которую онъ долженъ былъ мыслить какъ лишь противочленъ, уже мыслилась имъ какъ центральный членъ,—еще второй, спеціальныи недостатокъ: «безжизненная составная часть среды» опредѣлена теперь какъ центральный членъ интроспективистически.

136. Этимъ отвѣчено на вопросъ: въ чемъ состоитъ различіе между мною и лишеннымъ ощущенія, напр. «безжизненною составною частью среды» — и съ *нашей стороны*; именно слѣдующимъ: этотъ вопросъ лишенъ всякаго логически правомѣрнаго смысла.

с. „Основа“ „психическаго“.

1.

137. Въ качествѣ послѣдней попытки спасти «психическое» какъ особую сущность въ метафизически-дуалистическомъ смыслѣ служить туманное представленіе, которое какъ и «душу» нужно считать за пережитокъ: представленіе о специфической «основѣ» «психическаго» — о томъ, что «лежитъ въ основѣ» «психическаго какъ такого» и т. д. Мы возьмемъ эту попытку въ формѣ вопроса: что *дѣлаетъ* то, что я ощущаю уколъ, а безжизненная составная часть среды — нѣтъ? И именно то, что подразумѣвается — и есть «психическое»!

Этотъ вопросъ *можетъ бы* имѣть смыслъ; но такъ, какъ его чаще всего выставляютъ, и онъ есть лишь бесполезный вариантъ приведеннаго выше и имѣетъ столь же мало пріемлемаго смысла, какъ и тотъ. Въ своей обычной постановкѣ онъ также выставляетъ лишь неизвѣстное (Ungekannte) и ложно понимаемое въ качествѣ масштаба долженствующаго быть научнымъ опредѣленія! «Неизвѣстное»; — ибо и здѣсь извѣстное — «опытъ»: *болѣзненный уколъ* — должно измѣряться неизвѣстнымъ, именно «лишенной ощущенія, безжизненной составной частью среды», которая, какъ таковая, неизвѣстна и никогда не можетъ быть извѣстна

и которая, какъ только желаютъ ее познать, уже превращается въ нѣчто «ощущающее» ¹⁾. — «Ложно понимаемое»,—ибо и сюда привходитъ обманъ интросекціи, который изъ такъ называемаго «Я» дѣлаетъ «ощущающее», въ то время какъ оно, въ качествѣ центрального члена принципіальной координаціи, есть лишь «опытъ» на ряду съ другими «опытами» въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія—на ряду съ другими противочленами.

II.

138. Если послѣдній изъ упомянутыхъ вопросовъ долженъ имѣть или получить пріемлемый смыслъ, то мы должны прежде всего правильно поставить самый вопросъ. И сначала—именно смыслъ первой части вопроса, т. е. вопроса: что *дѣлаетъ* то, что я ощущаю уколъ?

Но эта частная задача тотчасъ же распадается на двѣ другихъ частныхъ задачи: 1) что значить: я *ощущаю* уколъ? и 2) что значить: «что *дѣлаетъ*, что я ощущаю уколъ»?

139. Вопросъ, содержащійся въ 1 частной задачѣ, тотчасъ же находитъ (по § 126) свой отвѣтъ въ томъ, что въ принципіальной координаціи «Я — иголка» разнообразіе элементовъ и характеровъ, обозначаемое какъ «Я», увеличивается (характеризуемымъ какъ *болѣзненный*) элементомъ *уколъ*.

III.

140. Вслѣдствіе такого отвѣта на вопросъ 1, вопросъ 2 получаетъ такую формулировку: что *дѣлаетъ* то, что въ принципіальной координаціи «Я — иголка», обозначаемое какъ «Я» многообразіе элементовъ и характеровъ, увеличивается (характеризуемымъ какъ *болѣзненный*) элементомъ *уколъ*?

¹⁾ Сравни выше § 131 и слѣд. Это превращеніе совершенно необходимо, ибо это «познаваніе» всегда было бы лишь «сведеніемъ на извѣстное», а «извѣстно» въ данномъ случаѣ есть именно «ощущающее Я».

Этимъ вопросомъ признается, что элементъ *уколъ* и характеръ *болѣзненное*, на которые увеличивается такъ называемое «Я», есть обусловленное. Слѣдовательно далѣе намъ приходится спросить:

- а) въ чемъ состоитъ условіе, отъ котораго зависитъ этотъ, характеризующійся какъ «болѣзненный» элементъ «уколъ»?
- в) въ какомъ смыслѣ этотъ, характеризующійся какъ «болѣзненный», элементъ «уколъ» зависитъ отъ этого условія?

141. На вопросъ *а* аналитическое опредѣленіе зависимости названнаго опыта даетъ отвѣтъ: элементъ «уколъ» и характеристику «болѣзненный» нужно мыслить какъ непосредственно зависящее отъ *опредѣленнаго измѣненія системы С¹⁾*.

142. На вопросъ *в* подобное аналитическое опредѣленіе отвѣчаетъ: если такъ называемое «Я» принципиальной координаціи допускаетъ замѣщеніе значеніемъ: *опредѣленное измѣненіе системы С*, то значенія, составляющія принципиальную координацію, а слѣдовательно и само такъ называемое «Я», получаютъ значенія опредѣленныхъ *элементовъ и характеровъ* ²⁾.

IV.

143. Теперь можно правильную постановку вопроса §137-го въ извѣстномъ объемѣ связать съ правильной постановкой вопроса § 134-го. Именно, теперь параграфомъ 141 введено въ разсмотрѣніе аналитическое значеніе, при которомъ я уже въ самомъ дѣлѣ могу съ своей мѣстной точки зрѣнія сравнить Внутреннее—именно въ собственномъ пространственномъ смыслѣ: *Внутреннее* «безжизненной составной части среды» съ моимъ *Внутреннимъ*: именно—*конституцію* соответствующей составной части среды и конституцію моей системы *С*; именно могу сравнить ихъ

¹⁾ «Weltbegriff» § 158 и слѣд.; выше § 112 и слѣд.

²⁾ «Weltbegriff» § 159 и примѣч. къ § 160.

съ точки зрѣнія логическаго отношенія къ *элементамъ и характерамъ*, какъ *зависящему отъ опредѣленныхъ измѣненій системы С*.

144. Это логическое отношеніе будетъ установлено наиболѣе простымъ образомъ, если положеніе § 141 свести къ слѣдующему краткому выраженію:

Когда [имѣется] *опредѣленное измѣненіе системы С*, тогда [имѣются] *опредѣленные элементы и характеры*.

Теперь вопросъ формулируется прежде всего такимъ образомъ:

признавая, что въ положеніи: «когда [имѣется] *опредѣленное измѣненіе системы С*, тогда [имѣются] *опредѣленные элементы и характеры*» значеніе *опредѣленное измѣненіе системы С* мыслится какъ (логическое) условіе значенія *опредѣленные элементы и характеры* какъ обусловленнаго (въ логическомъ смыслѣ), — мыслима ли тогда или нѣтъ «безжизненная составная часть среды» внѣ всякаго (логическаго) отношенія условія къ *опредѣленнымъ элементамъ и характерамъ*?

145. Другими словами и съ допустимымъ обобщеніемъ это обозначаетъ вопросъ:

Является ли отличіе внутренней конституціи системы С отъ конституціи среды, поскольку она мыслится составленной лишь изъ безжизненныхъ самихъ по себѣ составныхъ частей, столь абсолютнымъ, что измѣненія въ комбинаціи этихъ безжизненныхъ составныхъ частей должны мыслиться абсолютно внѣ всякаго (логическаго) отношенія условія къ опредѣленнымъ элементамъ и характерамъ, составляющимъ принципиальную координатію? Или же эта конституція и эта комбинація являются лишь относительно отличными, такъ что мыслимъ *непрерывный переходъ* отъ первоначальной комбинаціи «безжизненныхъ составныхъ частей» ко внутренней конституціи системы С, и тѣмъ самымъ «безжизненные составныя части среды» мыслимы какъ отдален-

ное условіе *элементовъ и характеровъ* въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ вообще система С можетъ быть мыслима какъ условіе составляющихъ принципиальную координатію, а слѣдовательно и ея центральный членъ *элементовъ и характеровъ*? И въ этомъ случаѣ: какого рода нужно мыслить этотъ переходъ комбинаціи «безжизненныхъ составныхъ частей среды», въ конституцію системы С?

146. Мнѣ кажется, что такъ смыслъ вопроса былъ бы выставленъ правильно. Но то, что получается при этой правильной постановкѣ, уже не есть нѣчто «Психическое», какъ особая сущность въ метафизическо-дуалистическомъ смыслѣ, а лишь (логическая) зависимость «частичнаго опыта» «болѣзненный уколъ» отъ другого «частичнаго опыта», который мы назвали «системой С» ¹⁾.

d. Дуализмъ „физическое—психическое“ и „параллелизмъ“.

I.

147. Съ элиминаціей «Психическаго» какъ «Внутренняго», «внутренней стороны» и т. под. падаетъ и настолько же прославленный и излюбленный, насколько несостоятельный и нелѣпый параллелизмъ «Внутренняго» и «Внѣшняго», «внутренняго» и «внѣшняго» «бытія», «внутренней» и «внѣшней» «стороны» мозга, матеріи, міра — словомъ: падаетъ такъ называемый «параллелизмъ физическаго и психическаго». И онъ тѣмъ болѣе оказывается обреченнымъ на устраненіе изъ естественнаго понятія о мірѣ, что къ его неосновательности и нелѣпости, явствующихъ въ силу нашего предшествующаго изслѣдованія, присоединяется еще фундаментальное сомнѣніе такъ наз. «гносеологическаго» свойства, состоящее въ томъ, что если бы такой «параллелизмъ» между «Физическимъ» и «Психическимъ» существовалъ, то «мы» должны были бы находиться на линіи или на сторонѣ «Психическаго», а

¹⁾ «Опыты» въ смыслѣ обыденнаго словоупотребленія для насъ идентичны съ «частичными опытами» (сравни выше § 76).

«тѣлесный міръ»—на сторонѣ «Физическаго»; слѣдовательно мы шли бы съ нимъ рядомъ, но вѣчно внѣ связи съ нимъ и никогда не могли бы и узнать, что идемъ рядомъ съ нимъ¹⁾).

II.

148. Но все-таки анализъ «полнаго опыта» устанавливаетъ извѣстный параллелизмъ, такъ что обычно допускаемый *метафизическій* параллелизмъ—какъ часто метафизическое!—является лишь искаженіемъ и извращеніемъ эмпирическаго; и этотъ *эмпирический* параллелизмъ даже двоякаго вида.

Прежде всего тотъ [параллелизмъ], на который мы уже имѣли случай намекнуть²⁾). Движеніе, какъ оно является для такъ называемаго «Я» первоначально находимымъ,—движеніе человѣческихъ членовъ имѣетъ механическое и амеханическое значенія: такъ какъ ни механическое значеніе человѣческаго движенія не порождаетъ, въ смыслѣ закона сохраненія энергіи, амеханическаго, ни амеханическое значеніе—механическаго, то ихъ пожалуй безъ опасеній можно назвать двумя аналитическими опредѣленіями человѣческаго движенія, которыя всегда идутъ параллельно, когда человѣческое движеніе само есть «опытъ» для движущагося человѣческаго индивида.

149. Затѣмъ—а при смѣшиваніи обоихъ *эмпирическихъ* параллелизмовъ съ *метафизическимъ* второй изъ описываемыхъ параллелизмовъ могъ бы быть относительно легче распознаваемъ—затѣмъ, слѣдовательно, параллелизмъ между однимъ «опытомъ»: *опредѣленными измѣненіями системы С*, какъ логическими условіями и—другими опытами, которые представляютъ собою цвѣта и тоны, удовольствіе и неудовольствіе, однимъ словомъ, *элементы и характеры*, какъ логическими зависимыми этихъ «опредѣленныхъ измѣненій системы С».

¹⁾ Сравни выше § 46.

²⁾ Въ цитованномъ выше § 46.

III.

150. Въ заключеніе позволимъ себѣ въ слѣдующемъ краткомъ положеніи выразить главный результатъ, котораго, какъ кажется, достигла эта часть нашего изслѣдованія:

«полный опытъ» чуждъ дуализма Физическаго и Психическаго.

е. Обозначеніе предмета психологiи.

I.

151. Послѣ всего этого мнѣ можно бы и не говорить, что «Психическое» не есть особая субстанція и т. под. въ метафизически-дуалистическомъ смыслѣ и не особый «опытъ», а лишь особый «способъ разсмотрѣнія» «опытовъ». Однако и на этотъ счетъ можно сказать только то, что извѣстный способъ разсмотрѣнія «опытовъ» далъ и повидимому еще долго будетъ давать — *случайный*, въ высшемъ смыслѣ — поводъ для логически неправомѣрнаго допущенія чего-то «психическаго» какъ особой сущности.

Но все-таки обращеніе отъ *содержанія* разсмотрѣнія къ *способу* разсмотрѣнія можетъ послужить намъ для достиженія научно правомѣрнаго и пріемлемаго обозначенія предмета психологiи.

Ибо если сомнительно, чтобы «Психическое», подъ какимъ выраженіемъ всегда подразумѣвалась особая сущность, можно было понимать какъ лишь «способъ разсмотрѣнія», то, напротивъ, несомнѣнно является логически правомѣрнымъ — разсмотрѣніе «опытовъ» съ особой точки зрѣнія ихъ зависимости отъ индивида (отъ системы С) оставить въ качествѣ **отдѣльной эмпирической науки** и въ виду недостатка въ другомъ имени и въ виду относительной недвусмысленности (Unbedenklichkeit) извѣстнаго обозначенія и впредь называть ее тѣмъ старымъ именемъ, которое до сихъ поръ носила эта наука, уже всегда — безразлично съ какими

предпосылками и придатками—занимавшаяся этимъ раз-
смотрѣніемъ; это имя—психологія¹⁾.

152. Если все-таки пожелаютъ технически обозначить предметъ эмпирической психологіи столь же удобнымъ выраженіемъ («Е—значенія», «содержанія высказываній», «опыты»—пожалуй соотвѣтствуютъ этому требованію не во всѣхъ желательныхъ отношеніяхъ) насколько такимъ удобнымъ выраженіемъ безъ сомнѣнія было «психическое», то тогда можно говорить просто о психологическихъ фактахъ, состояніяхъ, законахъ и т. под. ²⁾).

II.

153. Зависимость «болѣзненного укола» отъ опредѣленнаго измѣненія системы С въ предпшествовавшемъ была названа «логическою». Чтобы въ понятіе «логической зависимости» не влагалось бы—не «прокрадывалось» бы опять что-либо метафизическое и дуалистическое или просто чтобы оно не искажалось, я позволю себѣ сдѣлать относительно этого понятія краткое замѣчаніе.

Прежде всего выраженіемъ «логическая» зависимость» (и обращеннымъ, какъ, напр., «логически обусловливаетъ») ничто не говорится о какомъ-либо частномъ видѣ зависимости. Отвлеченно общее для всѣхъ ви-

¹⁾ Сходство развитія психологіи изъ «ученія о душѣ какъ (субстанціальномъ) принципѣ ощущенія и движенія» въ «ученіе объ опытахъ какъ (въ логическомъ смыслѣ) зависящихъ системы С»—итакъ, сходство этого развитія съ развитіемъ астрономіи изъ астрологіи и химіи изъ алхиміи въ нашемъ изложеніи еще ближе обосновывается. Конечно, эти науки измѣнили и свои имена, но въ виду упомянутой въ текстѣ недвусмысленности можно остаться при старомъ имени,—впрочемъ въ согласіи съ Фр. А. Ланге (въ мѣстѣ цитованномъ выше, въ § 6): «это имя пріемлемо, пока здѣсь есть чѣмъ заниматься изъ того, что не взято вполнѣ изъ другой науки».

²⁾ —Какъ говорятъ о физиологическихъ фантахъ, состояніяхъ, законахъ и т. под.—и какъ должны были бы говорить о физическихъ (physischen) объектахъ! И почему не должно бы существовать «психологическимъ истинамъ» въ томъ же смыслѣ, какъ существуютъ «математическія истины»? (Сравни § 154 и слѣд.).

довъ зависимости между двумя измѣнчивыми членами есть функціональное отношеніе: если измѣняется первый членъ, то измѣняется и второй¹⁾). Для общаго описанія отношенія между «болѣзненнымъ уколомъ» и «опредѣленнымъ измѣненіемъ системы С», какъ мнѣ кажется, совершенно достаточно зависимости въ этомъ отвлеченно общемъ смыслѣ²⁾; ея недостаточно лишь тогда, когда является надобность выставить отличіе этого функціональнаго отношенія отъ другихъ.

154. Такими другими, частными (besondere) видами функціональныхъ отношеній являются, напр., тѣ зависимости, которыя подпадаютъ подъ законъ сохраненія энергіи, и зависимость, къ которой стоятъ другъ къ другу математическія величины, рассматриваемыя чисто какъ такія, напр. логарифмы и основныя числа. Первый видъ зависимости можно бы назвать физическою или, лучше, — «рассматриваемою въ физикѣ» (physikalische), т. е.: «зависимостію въ смыслѣ физики» — «зависимостію въ смыслѣ рассматриваемой въ физикѣ» (im physikalischen Sinne); послѣдній принято называть «математическою» и можно обозначить какъ «зависимость въ смыслѣ математики».

155. Какъ дальнѣйшій частный видъ зависимости въ обще-отвлеченномъ смыслѣ сюда присоединяется зависимость «элементовъ» и «характеровъ» отъ «опредѣленныхъ измѣненій системы С». Что говоритъ это функціональное отношеніе, можно выразить по содержанію согласно съ § 142, но въ менѣе развернутомъ видѣ, такимъ образомъ: когда измѣняется, въ опредѣленномъ смыслѣ, система С, какъ составная часть центральнаго члена или противочлена нѣкоторой принципиальной координаціи, тогда измѣняются въ той же принципиальной координаціи или въ той, въ которой противочленъ, къ которому приурочивается система С, снова берется какъ центральный членъ,

¹⁾ Сравни «Weltbegriff» § 18.

²⁾ Сравни «Krit. d. r. Erf.» I, § 91.

—элементы, или характеры, составляющіе (zusammensetzen) эти принципіальныя координаціи. (Напр. обозначае-
мый какъ «я» центральный членъ, для котораго противо-
членъ образуетъ проникающая въ кончикъ его пальца
иголка, увеличивается характеризуемымъ какъ «болѣзнен-
ный» элементомъ «уколъ»).

Этотъ третій видъ функціональнаго отношенія можно
обозначить какъ «зависимость въ смыслѣ психологіи» или,
короче, въ противоположность имѣющей мѣсто въ физикѣ
и математической зависимостямъ,—какъ «психологи-
ческую зависимость».

156. Тогда эта «психологическая зависимость» является
столь же мало чѣмъ-либо мистическимъ и трансцендент-
нымъ, какъ и зависимость имѣющая мѣсто въ физикѣ
и математическая; и какъ тѣ не высказываютъ ничего,
кромѣ аналитическаго опредѣленія опыта, какъ перво-
начально находимаго, такъ и «психологическая зависи-
мость» не должна высказывать ничего, кромѣ аналитиче-
скаго опредѣленія «полнаго опыта»¹⁾.

3. Объемъ включенной въ естественное понятіе о мірѣ гипотезы.

а. Смыслъ и формулировка вопроса объ объемѣ.

1.

157. Человѣческое *естественное* понятіе о мірѣ заключа-
етъ въ себѣ гипотезу: «сочеловѣки—существа какъ я»
(сравни выше § 9 и слѣд.). Анализъ этой гипотезы даетъ,
что 1) допущеніе: «сочеловѣки—существа какъ я» основы-
вается на однородности сочеловѣческихъ движеній съ
движеніями (рѣчами, жестами, поступками) того, кто дѣ-

¹⁾ Къ весьма родственному результату пришелъ и Эрнстъ Махъ
на пути возможно болѣе чистаго анализа возможно болѣе безпредпо-
сылочно понимаемаго первоначально находимаго. Сравни его «Beiträge
zur Analyse der Empfindungen», Iena 1886.

лаетъ это допущеніе (сравни выше § 26);—2) допущеніе говоритъ: сочеловѣческимъ движеніямъ, которымъ — поскольку они разсматриваются лишь какъ, съ моей мѣстной точки зрѣнія, первоначально найденное,—фактически принадлежитъ лишь механическое значеніе, приписывается болѣе чѣмъ механическое значеніе (сравни выше § 27), то есть — кромѣ механическаго еще а механическое значеніе (сравни выше § 28), то есть: съ моей мѣстной точки зрѣнія сочеловѣка можно признать не только за противочленъ той принципіальной координаціи, центральный членъ которой есть самъ, дѣлающій допущеніе, но и за центральный членъ второй принципіальной координаціи, противочленомъ которой можетъ быть, напр., дѣлающій допущеніе (сравни выше § 34, а также § 127 и сл.).

Если этимъ была сдѣлана попытка опредѣлить содержаніе включенной въ челоуѣческое естественное понятіе о мірѣ гипотезы, то предстоитъ еще дальнѣйшая попытка—опредѣлить и объемъ этой гипотезы.

158. Смыслъ вопроса объ объемѣ включенной въ естественное понятіе о мірѣ гипотезы заключается въ слѣдующемъ:

Допущеніемъ, что сочеловѣкъ есть существо какъ я, принимается, что съ моей мѣстной точки зрѣнія нѣкоторый противочленъ той принципіальной координаціи, центральный членъ которой я самъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, центральный членъ нѣкоторой другой принципіальной координаціи; какіе же изъ «моихъ» противочленовъ вообще можно, съ моей мѣстной точки зрѣнія, допустить за центральные члены другихъ принципіальныхъ координацій?

159. Первобытная философія отвѣчаетъ на нашъ вопросъ обще-утвердительнымъ положеніемъ: все есть существа какъ я. Это значитъ, что любая составная часть среды— $R_1, R_2 \dots R_n$, выдѣлявшаяся ¹⁾ для первобытнаго мыслителя, была для него «Я» въ томъ же смыслѣ, въ ка-

¹⁾ Преимущественно этимъ было движущееся.

комъ онъ былъ «Я» для самого себя. Основаніе для этого было въ томъ, что простое (качественное) уравненіе: «это—то же, что и я» должно было предшествовать всякому констатированію неравенства (aller Ungleichung). То есть, на языкѣ нашего анализа: допущеніе, что одинъ противочленъ—напр. R_1 въ отношеніи ко второму, напр. къ R_2 или къ самому дѣлающему допущеніе—и самъ есть центральный членъ,—это допущеніе первоначально было совершенно неограниченнымъ, не связаннымъ ни какими дальнѣйшими условіями и въ этомъ смыслѣ не знающимъ условій или безусловнымъ.

160. Это «познаніе» первобытной философіи не могло удержаться въ полномъ объемѣ. Если не говорить о вліяніяхъ иного рода, содѣйствовавшихъ, въ ходѣ историческаго развитія, его ограниченію, здѣсь играло роль все болѣе расширяющееся и углубляющееся прозрѣніе (Einsicht) въ зависимость человѣческаго «восприниманія», «представляванія», «чувствованія» и «хотѣнія» отъ человѣческаго индивида, связывавшее *допущеніе*: «это—воспринимающее, представляющее, чувствующее и хотящее существо какъ я» извѣстными *условіями*.

161. Если этотъ послѣдній взглядъ (Einsicht) освободить отъ тѣхъ прилатковъ, которые мы оставили выше названными, но которые еще удерживаются въ немъ—и часто лишь съ мнимо безвредными послѣдствіями—отъ первобытной философіи, то есть, если освободить его отъ интросекціи, то остается весьма важное аналитическое опредѣленіе функціональнаго отношенія, въ которомъ все то, что является характернымъ для центральнаго члена въ отличіе его отъ просто противочлена, относится къ человѣческому индивиду какъ обусловленное къ своему условію ¹⁾.

162. Въ силу неизбежнаго признанія обусловленности (Bedingtheit) центральнаго члена какъ такого,

¹⁾ Относительно смысла этого отношенія обусловленности сравни выше § 153 и слѣд.

вопросъ, какъ мы выставили его въ § 158, столь же неизбежно становится слѣдующимъ вопросомъ, сокращенно формулируемымъ такъ:

Какое должно быть выполнено условіе, чтобы противочленъ можно было принимать, съ моей мѣстной точки зрѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ и за центральный членъ? ¹⁾.

163. Возможное допущеніе, что въ совокупное условіе центральнаго члена, поскольку онъ понимается какъ обусловленное, нужно включить какія-нибудь особыя (einzeln) условія, не содержащіяся въ просто противочленѣ, не снимало бы того ограниченія, что въ наше разсмотрѣніе могутъ входить лишь такія особыя условія, которыя принадлежатъ противочлену просто, какъ такому. Ибо какъ поставить нашъ этотъ вопросъ мы могли лишь съ нашей мѣстной точки зрѣнія, такъ и отвѣчать на него мы можемъ лишь съ нашей, не могущей быть оставленной, мѣстной точки зрѣнія; но съ этой точки зрѣнія всѣ составныя части нашей среды суть фактически первоначально находимое лишь какъ просто противочлены ²⁾. Слѣдовательно изъ всѣхъ условій, зависящихъ отъ которыхъ можетъ мыслиться центральный членъ какъ таковой, могутъ быть взяты для выполненія указанной въ § 157, еще остающейся [невыполненной] попытки, лишь тѣ, которыя,—съ нашей точки зрѣнія—выполняются самими противочленами, какъ такими.

164. Если же требованіе, выставленное въ предшествующемъ параграфѣ, совершенно неизбежно, то нашъ первоначальный вопросъ (§ 158) неизбежно получаетъ дальнѣйшее превращеніе.

Именно, онъ переходитъ теперь — въ концѣ-концовъ и въ итогѣ—въ такой:

Какое условіе должно быть выполняемо противочленами, чтобы ихъ, съ моей мѣстной точки зрѣнія—

1) Болѣе абстрактно: чтобы... **любой отрѣзокъ среды** можно было считать вмѣстѣ съ тѣмъ и за центральный членъ.

2) Если бы было иначе, то не нужно было бы и «гипотезы»!

можно было принять вмѣстѣ съ тѣмъ и за центральные члены?

II.

165. Задача, ставящаяся этимъ вопросомъ, распадается на двѣ частичныхъ задачи:

1) Какое условіе долженъ выполнять противочленъ?

2) Какіе противочлены выполняютъ это условіе?

166. По смыслу эти задачи совпадаютъ съ задачей, поставившейся въ § 145. Поэтому, какъ мнѣ кажется, «вопросъ объ объемѣ», формулированный логически правильно, сводился бы къ той же проблемѣ, къ которой мы пришли на пути правильной постановки «вопроса объ отличіи» и потому вмѣстѣ съ отвѣтами на предшествующіе вопросы, давался бы отвѣтъ и на вопросъ, поставленный въ § 145.

в. Опреѣленное измѣненіе системы С какъ непосредственное условіе.

I.

167. Первый изъ этихъ двухъ предшествующихъ вопросовъ (§ 165) получилъ отвѣтъ въ результатѣ анализа эмпириокритической наличности¹⁾; здѣсь достаточно кратко воспроизвести существенное для нашей теперешней цѣли:

Какъ принципіальную координацію можно разложить (логически) на центральный членъ и противочленъ, такъ и центральный членъ и противочленъ снова можно разложить (логически) на элементы и характеры. Далѣе, всѣ элементы и характеры той принципіальной координаціи, центральный членъ которой есть «я» самъ, могутъ быть понимаемы какъ «опыты» (въ обыденномъ смыслѣ), опредѣленнымъ образомъ зависящіе отъ «меня», какъ того «человѣческаго индивида», за «опыты» котораго они принима-

¹⁾ Сравни выше §§ 21 и 142; «Weltbegriff» §§ 150 и 157 и слѣд.

ются. И поскольку они рассматриваются какъ зависящiе, въ только что указанномъ смыслѣ, отъ «меня», они являются зависящими ¹⁾ отъ того спеціального «опыта», который внутри этого функціональнаго отношенія замѣщается эмпирическимъ значеніемъ: такъ называемое «Я» какъ «человѣческій индивидъ»; т. е. они являются зависящими отъ эмпириокритической субституціи (Substitutionswert): *опредѣленное измѣненіе моей системы С*. Но этимъ субституція *опредѣленное измѣненіе моей системы С* становится прежде всего условіемъ элементовъ и характеровъ, и затѣмъ условіемъ принципіальной координаціи, члены которой—центральный членъ и противочленъ—составлены именно изъ такихъ элементовъ и характеровъ.

168. Принимая въ соображеніе § 83, мы можемъ выразить результатъ нашего анализа и такимъ образомъ:

Поскольку, съ моей мѣстной точки зрѣнія, элементы и характеры, составляющіе центральный членъ, понимаются какъ зависящее тѣхъ, приуроченныхъ къ такъ называемому «Я»—«вещей», совокупность которыхъ образуетъ «мое тѣло», постольку при анализѣ такого рода допускаемаго функціональнаго отношенія обозначаемое какъ «мое тѣло» замѣщается значеніемъ *опредѣленное измѣненіе моей системы С* и черезъ то значеніе *опредѣленное измѣненіе моей системы С* становится условіемъ тѣхъ элементовъ и характеровъ, которые составляютъ центральный членъ и которые понимаются какъ зависящее вещей, образующихъ «мое тѣло».

169. Подъ предположеніемъ параллелизма между значеніемъ: «опредѣленное измѣненіе моей системы С» какъ условіемъ и—«элементами и характерами» какъ зависящими (сравни выше § 149), изъ предшествующаго положенія слѣдуетъ:

¹⁾ Относительно смысла этого отношенія зависимости сравни, какъ и раньше при § 161 относит. отношенія обусловленности (Bedingungsverhältnisses), § 153 и слѣд.

Поскольку значеніе: *опредѣленное измѣненіе моей системы С* есть условіе для тѣхъ элементовъ и характеровъ, которые составляютъ центральный членъ, постольку, если это значеніе замѣщаетъ «вещи», образующія «мое тѣло», должны допускаться тѣ элементы и характеры, которые составляютъ центральный членъ и пониматься какъ зависящее «вещей», образующихъ «мое тѣло».

170. Откуда для всѣхъ противочленовъ, поскольку они могутъ быть названы «вещами» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ могутъ быть также названы части «моего тѣла» какъ такіа, слѣдуетъ:

Если противочленъ можетъ быть замѣщенъ значеніемъ: *опредѣленное измѣненіе системы С*, то его можно принимать вмѣстѣ съ тѣмъ и за центральный членъ.

171. И отрицательно:

Если противочленъ не можетъ быть замѣщенъ значеніемъ: *опредѣленное измѣненіе системы С*, то онъ не можетъ быть принять и за—вмѣстѣ съ тѣмъ—центральный членъ.

II.

172. Для простоты, при постановкѣ и рѣшеніи первой частной задачи центральный членъ выставлялся какъ нѣчто абсолютное: *дѣлалось отвлеченіе* отъ того, что центральный членъ есть центральный членъ лишь въ отношеніи къ какимъ-нибудь противочленамъ, т. е. въ отношеніи къ какой-нибудь составной части своей собственной индивидуальной среды. Поэтому теперь намъ нужно принять въ соображеніе еще слѣдующія положенія:

- 1) Если какой-либо противочленъ принимается и за центральный членъ, то его всегда нужно принимать за центральный членъ въ отношеніи къ опредѣленной составной части его индивидуальной среды.
- 2) Если противочленъ, принимаемый за центральный членъ, можетъ быть замѣщенъ значеніемъ: *опре-*

дѣленное измѣненіе системы С, то эту эмпириокритическую субституцію всегда нужно принимать какъ дополнительно обусловленную ¹⁾ тою составною частью среды, въ отношеніи къ которой этотъ противочленъ принимается за центральный членъ.

173. Принявъ въ соображеніе эти два положенія, мы получаемъ слѣдующее положеніе:

Если противочленъ можетъ быть замѣщенъ значеніемъ *опредѣленное измѣненіе системы С*, дополнительно обусловленнымъ опредѣленною частью ея индивидуальной среды, то этотъ противочленъ можно принять за центральный членъ въ отношеніи къ той составной части среды, которою дополнительно обусловлено значеніе; *опредѣленное измѣненіе системы С*.

174. И отрицательно:

Если противочленъ не можетъ быть замѣщенъ значеніемъ *опредѣленное измѣненіе системы С*, дополнительно обусловленнымъ опредѣленною составною частью ея индивидуальной среды, то и противочленъ этотъ нельзя принимать за центральный членъ въ отношеніи какой-либо составной части среды и значитъ вообще нельзя принимать за центральный членъ.

175. Этимъ можетъ быть отвѣчено на нашъ первый вопросъ (§ 165, сравни § 164)—именно слѣдующимъ:

Чтобы—съ нашей мѣстной точки зрѣнія—противочленъ могъ считаться вмѣстѣ съ тѣмъ и центральнымъ членомъ въ отношеніи къ опредѣленной составной части своей индивидуальной среды, нужно, чтобы онъ могъ быть замѣщенъ значеніемъ *опредѣленное измѣненіе системы С*, дополнительно обусловленнымъ составною частью этой среды.

¹⁾ Относит. понятія дополнительнаго условія сравни «Krit. d. r. Erf.» § 52 и слѣд.

с. Отношеніе системы С къ первоначально (anfänglich) „безжизненной средѣ“.

I.

176. Теперь мы обращаемся къ нашей второй частной задачѣ (§ 165). Мы видѣли, какое условіе должны—съ нашей мѣстной точки зрѣнія—выполнять сами противочлены, чтобы ихъ можно было принимать вмѣстѣ съ тѣмъ и за центральные члены. Теперь мы спрашиваемъ: какіе противочлены выполняютъ это условіе?

Чтобы получить общій отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на то, что въ нашихъ послѣднихъ положеніяхъ, несмотря на то, что мы приняли въ соображеніе отношеніе центрального члена къ противочлену, въ первомъ все-таки всегда еще оказывается нѣчто абсолютное.

177. На чемъ это основывается—можетъ стать яснымъ изъ слѣдующаго соображенія. Возьмемъ тотъ случай, что хотя система С сочеловѣка и пребываетъ обращенною (exropiert) къ извѣстной составной части своей индивидуальной среды, но система С устремилась на устраненіе въ данный моментъ болѣе важной жизненной разности, опять-таки обусловленной частью этой (болѣе содержательной) составной части среды, такъ что зависящее остального измѣненія системы С, обусловленнаго составною частью среды какъ цѣлѣмъ, — во всякомъ случаѣ не достигается въ дѣлѣнности (Abhebung)¹⁾.

Такимъ сочеловѣкомъ можетъ быть нѣкто стоящій на какой-нибудь горѣ: онъ смотритъ на другую гору, но внезапно «его вниманіе» «приковываетъ» къ вершинѣ этой [второй] горы солнечный лучъ, отражаемый нѣкоторою постройкою [на этой второй горѣ]. Абсолютно ли этотъ челоѣкъ перестаетъ имѣть возможность считаться за центральный членъ въ отношеніи ко второй горѣ какъ къ цѣлому теперь, когда уже не можетъ быть допущено то *опредѣлен-*

¹⁾ «Krit. d. r. Erf.» II, § 861, § 499 и слѣд.

ное измѣненіе системы *C*, которое соотвѣтствовало въ дѣленности этой [второй] горы какъ цѣлаго?

Нѣтъ [— не абсолютно]. И именно потому нѣтъ, что *status quo ante* тотчасъ же могло бы быть восстановлено.

178. Такимъ образомъ мы достигаемъ настолько же естественнаго, насколько и важнаго различенія: въ этотъ промежутокъ времени сочеловѣка можно было принять за актуальный центральный членъ въ отношеніи къ блистающему окошку, но не въ отношеніи къ горѣ какъ цѣлому; но въ отношеніи къ послѣдней его безъ сомнѣнія можно было принимать за потенціальный центральный членъ.

II.

179. Этотъ случай мы можемъ обобщить: положимъ, что система *C* поставлена въ условія сна (безъ сновидѣній). Также и здѣсь выраженіе «потенціальный центральный членъ» примѣнимо — и здѣсь больше всего въ смыслѣ нашего опыта — въ отношеніи ея къ совокупной индивидуальной средѣ.

III.

180. Прослѣживая систему *C* въ ея возникновеніи и развитіи все дальше и дальше назадъ, мы никогда не можемъ притти къ тому пункту, гдѣ ее можно было бы мыслить какъ абсолютное ничто.

Но достигли ли бы мы на этомъ пути пункта, гдѣ формы системы *C*, которыхъ мы послѣдовательно и безъ скачковъ достигали бы въ этомъ обратномъ прослѣживаніи ихъ возникновенія и развитія, уже абсолютно нельзя было бы мыслить какъ потенціальные центральные члены въ отношеніи къ другимъ составнымъ частямъ среды?

Для простоты мы намѣрены подраздѣлить цѣлостный процессъ возникновенія и развитія системы *C* на нѣсколько легко обозримыхъ моментовъ и относительно cadaquo изъ нихъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

181. Мы начинаемъ свое разсмотрѣніе съ составной части среды R . Въ той формѣ, въ какой мы ее допускаемъ, она обозначается какъ сочеловѣкъ. Его система C —слѣдовательно C_R —въ моментъ τ , находилась подъ фізіологическими условіями бодрствованія, тогда какъ въ предшествующій моментъ τ_1 она была подъ фізіологическими условіями сна. Моментъ, отъ котораго мы отправляемся (назадъ) есть τ_1 . Въ этотъ моментъ τ_1 составная часть среды (сочеловѣкъ) R можетъ быть принята за центральный членъ въ отношеніи къ извѣстнымъ другимъ составнымъ частямъ K , измѣненіямъ которыхъ, производимымъ нами, слѣдуютъ содержанія его высказываній ¹⁾. Точно такъ же его систему C можно принять за совокупное непосредственное условіе—какъ и она съ своей стороны опредѣлена совокупностію системныхъ предварительныхъ условій, и дополнительнымъ условіемъ K^2)—я говорю: точно такъ же его систему C можно принять за совокупное непосредственное условіе всѣхъ тѣхъ содержаній высказываній, которыя (по только что сдѣланному предположенію) слѣдуютъ производимымъ нами измѣненіямъ въ K . То есть можно допустить, что въ моментъ τ_1 система C_R о с у щ е с т в и л а т о *опредѣленное измѣненіе* или то конечное состояніе—обозначимъ его какъ конечное состояніе ϵ —, которое приурочено соотвѣтствующему содержанію высказыванія какъ независимое.

Тогда *опредѣленное измѣненіе системы* C_R , т.-е. конечное состояніе ϵ есть вмѣстѣ съ тѣмъ условіе, отъ котораго (въ смыслѣ § 175) зависитъ сдѣланное допущеніе составной части среды— R за центральный членъ въ отношеніи къ извѣстной другой составной части среды —(K).

182. Ближайшій избранный нами моментъ прошедшей исторіи системы C_R , къ которому мы теперь обращаемся, есть моментъ τ_1 . По предположенію, система C_R въ этотъ моментъ находилась подъ фізіологическими условіями сна (§ 179).

¹⁾ Сравни «Krit. d. r. Erf.» I, § 31.

²⁾ Сравни выше примѣч. 1 къ § 112; «Krit.» I, § 54, § 95.

Конечное состояніе системы O_R въ моментъ τ_1 есть ζ ; его нужно отличать отъ конечнаго состоянія ε . Конечное состояніе ζ система C сейчасъ осуществила; для конечнаго же состоянія ε она еще есть лишь совокупность системныхъ предварительныхъ условій. *Опредѣленное измѣненіе*, относящееся къ моменту τ_2 , уже нельзя сейчасъ мыслить какъ дѣйствительное, но лишь какъ возможное: систему O_R можно считать лишь способной къ нему. И этому отношенію соотвѣтствуетъ то обстоятельство, что система C_R , способная на то *опредѣленное измѣненіе* или конечное состояніе ε , выполняетъ (логическое) условіе для допущенія, что составная часть среды — R (спящій сочеловѣкъ) есть потенціальный центральный членъ въ отношеніи къ своей индивидуальной средѣ.

И именно этимъ общее допущеніе центрального члена разлагается на допущеніе потенціального центрального члена и на допущеніе актуального (сравни выше § 178): мы допускали, что R въ моментъ τ_2 есть актуальный центральный членъ. И этимъ опять доказывается то, что популярное противоположеніе: «сознательное — безсознательное» не достаточно для того, чтобы уже статуйровать противоположность между центральнымъ членомъ просто и не-центральнымъ членомъ просто (schlechthin).

183. Третій моментъ, который мы беремъ изъ прошедшей исторіи системы O_R , соотвѣтствуетъ эмбриональной системѣ C_R : это моментъ τ_0 . Такъ какъ для нашего абстрактнаго разсмотрѣнія не имѣетъ принципіальнаго значенія чи сло измѣненій, путемъ которыхъ эмбриональная система C_R , или система C_R момента τ_0 стала совершенно развитою системою C_R момента τ_1 , а также, слѣдовательно, и чи сло моментовъ (соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ измѣненіямъ), то моментъ τ_0 мы трактуемъ просто такъ, какъ будто слѣдующимъ моментомъ (считая впередъ) былъ τ_1 . Конечное состояніе, которое осуществляетъ система C_R въ моментъ τ_0 , есть η . Но систему C_R , осуществившую въ моментъ τ_0 это конечное состояніе η , можно

считать за способную въ моментъ τ_1 къ конечному состоянію ζ : этимъ эмбриональная система C_R доставляетъ (логическое) условіе для допущенія, что составная часть среды R (эмбриона) есть потенціальный центральный членъ низшаго порядка въ отношеніи къ будущей индивидуальной средѣ ¹⁾.

Соотвѣтственно этому тогда R въ моментъ τ_1 является потенціальнымъ центральнымъ членомъ высшаго порядка.

184. Избирая теперь въ качествѣ четвертаго момента прошедшей исторіи системы C_R моментъ τ_{-1} передъ соединеніемъ родительскихъ составныхъ частей «спермы и яичка», я могу мыслить эти еще отдѣльныя составныя части уже способными къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя въ случаѣ ихъ соединенія производятъ систему C момента τ , или конечное состояніе η . Этимъ названныя родительскія составныя части уже доставляютъ (логическое) условіе для того, чтобы тѣ составныя части среды, которыя сообща способны осуществить эмбриональную систему C_R , можно было принять за потенціальный центральный членъ въ отношеніи къ будущей индивидуальной средѣ; но за потенціальный центральный членъ еще низшаго порядка.

185. Эту потенціальность нельзя было бы считать равной нулю и тогда, если бы я въ качествѣ пятаго момента прошлой исторіи системы C_R пожелалъ бы взять моментъ τ_{-2} , подъ которымъ разумѣлся бы тотъ моментъ, для котораго допускаются не встрѣчающіяся родительскія составныя части, но лишь такія составныя части среды вообще, которыя — безразлично путемъ насколько долгаго и сложнаго развитія — способны стать родителями. Какъ *логически* стать ничѣмъ система C_R не можетъ въ моментъ τ_{-1} или τ_{-2} , такъ и то, чѣмъ она становится *логически*, не можетъ абсолютно потерять способность къ тѣмъ измѣненіямъ, посредствомъ которыхъ оно ста-

¹⁾ Выраженіе «индивидуальная среда» — всегда въ смыслѣ «*Krit. d. g. Erf.*» § 59.

новится тѣмъ, чѣмъ она — по другимъ допущеніямъ — стала фактически. То есть: хотя въ нашемъ регрессивномъ логическомъ разсмотрѣніи системы C_R момента τ_2 стала *потенціальной* системой C_R момента τ_1 и, въ еще болѣе строгомъ смыслѣ, потенциальной системой C_R момента τ_2 , но какъ опредѣленные составныя части среды, которыя я въ послѣдней инстанціи уже не могъ назвать составными частями «живого существа», я имѣлъ право мыслить логически за потенциальную систему C_R , такъ я имѣю право логически мыслить эти опредѣленные составныя части среды въ отношеніи къ будущей индивидуальной средѣ уже за потенциальный членъ хотя бы и самаго низшаго порядка, но съ потенциальностію никогда не равною нулю; такъ что составныя части среды никогда не могутъ выйти изъ наиболѣе общаго понятія «потенціального центрального члена».

186. Слѣдовательно, поскольку какія-либо составныя части среды могутъ считаться способными стать системой C , постольку эти противочлены могутъ приниматься за потенциальные центральные члены (хотя бы и самаго низшаго порядка) въ отношеніи къ будущей индивидуальной средѣ.

Столь много—въ отвѣтъ на второй вопросъ § 165.

d. Отношеніе первоначально „безжизненной среды“ къ системѣ C .

I.

187. Такъ какъ мы пытались—въ противоположность излюбленному приему—итти не отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, а отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, то въ регрессивномъ разсмотрѣніи мы отъ системы C дошли до первоначально — по другимъ допущеніямъ — «безжизненной среды».

Если мы оставимъ этотъ путь, приведшій насъ отъ системы C , какъ непосредственнаго (логическаго) условія элементовъ и характеровъ, къ первоначально «безжизненной средѣ» и снова двинемся въ обратномъ направленіи, то мы снова, въ непрерывномъ движеніи впередъ, придемъ

отъ «безжизненныхъ составныхъ частей среды» къ системѣ *C*, какъ непосредственному (логическому) условію элементовъ и характеровъ, составляющихъ принципиальную координацію, а слѣдовательно и центральный членъ.

188. Это прогрессивное разсмотрѣніе даетъ возможность отчетливѣе выступить отвѣту на вопросъ § 145 (сравни § 166). Если понятіе «безжизненной составной части среды» берется (въ смыслѣ § 145) совершенно общо, то на нашъ вопросъ относительно (логическаго) отношенія условія «безжизненной составной части среды» къ элементамъ и характерамъ, составляющимъ центральный членъ, можетъ быть отвѣчено приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Если допускается, что нѣкогда все то, что теперь составляетъ нашу среду, состояло лишь изъ мельчайшихъ, однородныхъ, самихъ по себѣ бывшихъ «безжизненными» частицъ¹⁾, а затѣмъ изъ нихъ сначала образовалась наша «земля», впослѣдствіи изъ нихъ возникли «низшія живыя существа», изъ которыхъ развились наконецъ «вышія формы» живыхъ существъ, то это значитъ именно то, что отъ первоначальной комбинаціи «безжизненныхъ составныхъ частей среды» къ образованію системы *C* мыслимъ непрерывный переходъ и слѣдовательно «безжизненная составная часть среды» въ этомъ непрерывномъ отношеніи ея къ системѣ *C* мыслима какъ хотя и максимально отдаленное, но все-таки совершенно не устранимое (логическое) условіе тѣхъ *опредѣленныхъ измѣненій системы C*, отъ которыхъ затѣмъ непосредственно зависятъ *опредѣленные элементы и характеры*, изъ которыхъ складывается принципиальная координація, а вмѣстѣ съ нею и центральный членъ. И далѣе этимъ допущеніемъ сказано, что непрерывный переходъ первоначальной комбинаціи «без-

¹⁾ Которыя еще не было бы необходимо мыслить, поэтому, какъ «атомы».

жизненныхъ составныхъ частей среды», какъ отдаленнаго условія, въ *опредѣленное измѣненіе системы С* какъ въ непосредственное условіе этихъ *опредѣленныхъ элементовъ и характеровъ* можно мыслить осуществляющимся путемъ тѣхъ же процессовъ, на которыхъ покоится, по сдѣланному допущенію, переходъ «безжизненныхъ составныхъ частей среды» въ «живыя существа» и развитіе ихъ «высшихъ формъ» изъ «низшихъ».

II.

189. Наше послѣднее разсмотрѣніе можетъ, наконецъ, служить еще и примѣромъ того, какъ попытка ближе опредѣлить понятіе предмета психологіи на почвѣ эмпириокритической наличности неизбѣжно переходитъ въ дальнѣйшее развитіе «понятія о мірѣ» въ «міросозерцаніе».

Этотъ переходъ основывается на внутренней связи (Verhältnisse) всякаго понятія о мірѣ какъ такового съ міросозерцаніемъ какъ таковымъ. Критико-аналитическое полученіе естественнаго понятія о мірѣ вовсе еще не создаетъ содержанія научной философіи. Какъ понятіе «жизни» еще не даетъ цѣлаго жизнепониманія, такъ и понятіе о мірѣ еще не даетъ полнаго міросозерцанія¹⁾. Но какъ критическое понятіе жизни лишь должно лежать въ основѣ жизнепониманія, такъ и естественное понятіе о мірѣ должно быть ядромъ (Keypunkt) устойчиваго міросозерцанія.

190. Относительно послѣдняго нужно замѣтить здѣсь лишь слѣдующее: возвести выше (§ 188) приведенныя мы-

¹⁾ Различіе и отношеніе между понятіемъ о мірѣ и міросозерцаніемъ можетъ быть лучше всего поясняетъ примѣръ Спинозы: сколь немногими понятіями опредѣляется его понятіе о мірѣ и сколь многими понятіями опредѣлено и изъ сколь многихъ понятій въ ихъ великомъ, но стройномъ многообразіи образовано «спинозическое міросозерцаніе»!

слимости (Denkbarkeiten) въ рангъ научныхъ гипотезъ было и остается основной задачей естественной науки¹⁾; уже теперь онѣ помогаютъ естествоиспытателю въ опредѣленіи картины міра. Вѣдь онѣ являются и тѣмъ, что опредѣляетъ направленіе развитія естественнаго понятія о мірѣ въ научно-философское міросозерцаніе.

¹⁾ Можетъ показаться, что съ эмпириокритической точки зрѣнія естественная наука даже и не «имѣетъ права» спрашивать о тѣхъ періодахъ нашей теперешней среды, которые по времени должны были предшествовать существованію человѣка: не значить ли это мыслить противочленъ безъ центрального члена? И конечно, если бы это означало послѣднее, то вопросъ былъ бы неправомѣренъ, такъ какъ онъ былъ бы полонъ противорѣчій. Онъ былъ бы столь же противорѣчивъ, насколько является безсмысленнымъ спрашивать: какъ извѣстная составная часть среды сотворена «сама по себѣ» (an sich); и этотъ вопросъ былъ бы именно потому (согласно объясненію «Weltbegriff»'а) безсмыслененъ, что это дѣйствительно значило бы мыслить противочленъ безъ центрального члена. Но если вопросъ о средѣ «самой въ себѣ» теряетъ всякій правомѣрный смыслъ потому, что спрашивающій совершенно не можетъ отмыслить самого себя, то напротивъ вопросъ о мірѣ «до человѣка» приобретаетъ свою правомѣрность именно тѣмъ, что спрашивающій не можетъ избѣжать примышленія себя.

Вѣдь то, что желаетъ естествоиспытатель (пусть не всегда достаточно уясняя себѣ это) въ сущности есть лишь слѣдующее: какъ слѣдовало бы опредѣлить землю или міръ до появленія живыхъ существъ или человѣка, если я примышляю себя въ качествѣ его наблюдателя—въ родѣ того, напр., какъ было бы мыслимо, что мы могли бы наблюдать исторію другого созвѣздія или же другой солнечной системы при помощи усовершенствованныхъ инструментовъ съ нашей земли. Или другими словами: послѣ того какъ аналитическія опредѣленія теперешняго состоянія земли или нашей солнечной системы неизбежно привели къ допущенію ея болѣе раннихъ состояній и именно до перваго появленія живыхъ существъ или человѣка, то спрашивается, какимъ образомъ измѣненной я долженъ мыслить мою теперешнюю среду, чтобы гипотетически получить то ея состояніе, которое я первоначальнымъ образомъ нашелъ бы, если бы я тогда стоялъ къ ней въ отношеніи центрального члена къ его противочленамъ (къ своей средѣ).

И въ самомъ дѣлѣ это—все, къ чему логическимъ путемъ могло бы притти человѣческое мышленіе. (Сравни «Weltbegriff» § 130 и «Krit. d. r. Erf.» В. II, § 419.

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие.

Серия «Академия фундаментальных исследований»

Нейгебауер О. Точные науки в древности.

Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.

Шрадер О. Индоевропейцы.

Добидаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов. Общий очерк.

Митрофанов П. История Австрии.

Лависс Э. Очерки по истории Пруссии.

Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства.

Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века.

Розин В. М. Психическая реальность, способности и здоровье человека.

Розин В. М. Беседы о реальности и сновидения Марка Вадимова.

Шах И. Учиться как учиться. Психология и духовность на суфийском пути.

Шапиро Д. И. Человек и виртуальный мир.

Системные аспекты психической деятельности. Под ред. Судакова К. В. и др.

Альберт Х. Трактат о критическом разуме.

Майданов А. С. Тайны великой «Ригведы».

Майданов А. С. Процесс научного творчества.

Пригожин И. От существующего к возникающему.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем.

Везен Ф., Федье Ф. Философия французская и философия немецкая; Воображаемое.

Власть. Под ред. Бибикина В. В.

Сачков Ю. В. Научный метод: вопросы и развитие.

Поппер К. и др. Эволюционная эпистемология Карла Поппера и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики.

Садовский В. Н. Карл Поппер и Россия.

Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая.

Суриков К. А., Пугачева Л. Г. Эпистемология. Шесть философских эссе.

Жилин Д. М. Теория систем: опыт построения курса.

Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135-44-23, тел. 135-42-46
или **электронной почтой urss@urss.ru.**
Полный каталог изданий представлен
в **Интернет-магазине: <http://urss.ru>**

Издательство УРСС

*Научная и учебная
литература*

Представляет Вам свои лучшие книги:

Режабек Е.Я.

Мифомышление (когнитивный анализ).

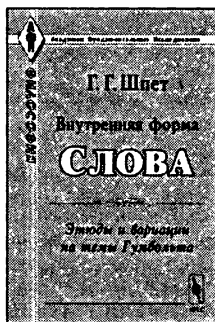
В книге прослеживается, как мифологически оформлялись представления первобытных охотников и собирателей об устройстве мира, как они развивались в сложные мифологические системы. С позиций информационно-когнитологического подхода выясняется, что неразработанность познавательных средств становилась помехой рациональному видению и практическому освоению природы, осознанию человеком глубоких жизненных потребностей.

Шпет Г. Г.

Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольта).

Выдающийся российский философ и методолог Густав Густавович Шпет (1879–1937) оказал огромное влияние на развитие методологии науки, психологии, логики, эстетики, этнологии, истории, а также семиотики и философии языка.

Основу данной книги составляет исследование языка как одного из основных методов понимания психологии социального бытия. Язык, по мнению автора, порождается не только необходимостью общения, но и чисто внутренними потребностями человечества, лежащими в самой природе человеческого духа, и при этом он имеет независимое, внешнее бытие, оказывающее влияние на самого человека.

Научно-популярное издание

Ричард Лэнгтон Грегори

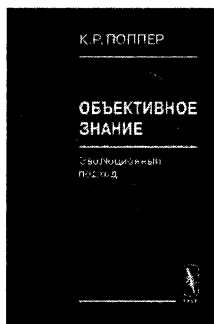
РАЗУМНЫЙ ГЛАЗ

Автор книги — профессор бионики Эдинбургского университета, один из крупнейших в мире специалистов по психологии зрения. Отвечая на вопрос, «каким образом мозг извлекает сведения о внешнем мире из некоторого узора пятен света на сетчатке глаза», Р.Л. Грегори компетентно и увлекательно рассказывает о связях между важнейшими факторами восприятия, о сложнейшем многогранном процессе зрительного мышления.

Текст богат иллюстрирован рисунками, которые позволяют читателю самостоятельно проверить многие факты. Предмет освещается с различных, часто неожиданных сторон, и потому книга представляет интерес для широкого круга читателей и в особенности для тех, кто интересуется психологией, физиологией, искусствоведением, языкознанием, астрономией, техникой.

Представляет Вам свои лучшие книги:

Поппер К. Р.

Объективное знание. Эволюционный подход.

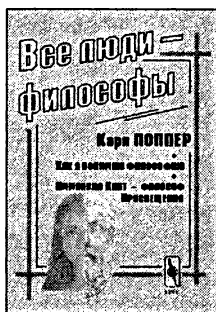
Книга выдающегося философа и логика XX века Карла Раймунда Поппера «Объективное знание» вышла первым изданием в 1972, вторым — исправленным и дополненным, с которого сделан русский перевод, в 1979 г.

В ряду сочинений Поппера она занимает особое место: это — третья, после «Логики научного исследования» (1934, 1959) и «Предположений и опровержений» (1963), его классическая работа по философии, теории познания и логике науки. В ней подводятся итоги предшествующих исследований Поппером проблем индукции, фальсификационизма, критического рационализма, правдоподобности научных теорий и др.

Поппер К. Р.

Все люди — философы. Под ред. Шишкова И. З.

Книга представляет собой перевод двух малоизвестных, но весьма интересных статей одного из видных и наиболее популярных западных философов XX века — Карла Раймунда Поппера (1902–1994). В первой — «Как я понимаю философию» — автор выразил свой оригинальный взгляд на природу философии и на ее место и роль в жизни человека. Во второй — «Иммануил Кант — философ Просвещения», представляющей собой памятную речь, с которой К. Поппер выступил по лондонскому радио в день 150-летия со дня смерти «философа свободы, человечности и совести», — отстаивается нетрадиционная точка зрения на критическую философию И. Канта, согласно которой великий кенигсбергец — не философ классического немецкого идеализма, а последний поборник великих идей Просвещения.

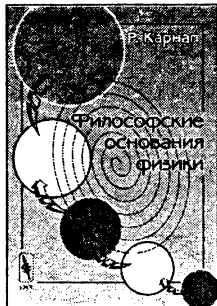
Шишков И. З.

**В поисках новой рациональности:
философия критического разума.**

Книга профессора И. З. Шишкова — первое в отечественной литературе фундаментальное исследование одного из ведущих течений современной философской мысли — философии немецкого критического рационализма. Основываясь на богатом историко-философском материале и оригинальных трудах главных представителей этого течения, автор детально реконструирует и анализирует основные теоретические источники и основания, модели и тенденции в развитии философии немецкого попперианства.

Представляет Вам свои лучшие книги:

Карнап Р.

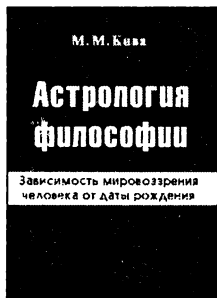
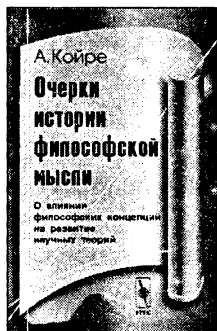
Философские основания физики: Введение в философию науки.

Вниманию читателей предлагается книга видного американского философа немецкого происхождения Рудольфа Карнапа (1891–1970), в которой рассматриваются основные методологические проблемы научного познания. Автор знакомит читателя с проблемой научных законов в широком контексте разнообразных форм их проявления, с характеристикой детерминизма и причинности, с интерпретациями понятия вероятности, с проблемой анализа количественных, математических методов исследования и другими аспектами познавательного процесса.

Койре А.

Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий).

Книга французского историка науки Александра Койре включает в себя ряд статей, имеющих общим предметом проблему взаимодействия философской и научной мысли, с одной стороны, и историю научной революции Нового времени, с другой. Автор провел исследование идейных предпосылок и хода научной революции XVI–XVII веков, до Ньютона включительно, а также дал тонкий и глубокий анализ как средневековой натурфилософской мысли, без которого было бы невозможно изучение научной революции, так и творчества таких корифеев науки, как Коперник, Бруно, Кеплер, Декарт, Ньютон.

Кива М. М.

Астрология философии (зависимость мировоззрения человека от даты рождения).

Книга представляет собой изложение той части истории философии, которая является непосредственным выражением и подтверждением астрологических законов. Параллельно дается изложение истории литературы в том ее аспекте, который непосредственно подтверждает наличие астрологической обусловленности мышления человека.

В книге содержится также показ действия астрологических законов в сфере науки, психологии, истории, изобразительного искусства, шахмат. В книге реализуется чисто научный подход к интерпретации астрологии, она не содержит мистики, эзотеризма и тому подобного. Основная идея книги состоит в том, чтобы показать действие астрологических законов непосредственно в мышлении конкретных личностей.

Издательство УРСС

Представляет Вам свои лучшие книги:

Серия «Bibliotheca Scholastica». Под общ. ред. *Апполонова А. В.* Билингва: параллельный текст на русском и латинском языках.

Вып. 1. *Бозций Дакийский. Сочинения.*

Вып. 2. *Фома Аквинский. Сочинения.*

Вып. 3. *Уильям Оккам. Избранное.*

Вып. 4. *Роберт Гроссетест. Избранное.*

Логика

Сидоренко Е. А. Логика. Парадоксы. Возможные миры.

Драгалин А. Г., Колмогоров А. Н. Избранные труды по логике и философии математики.

Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики.

Смирнов В. А. Логические методы анализа научного знания.

Логико-философские труды В. А. Смирнова. Под ред. *Шалака В. И.*

Грифцова И. Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина.

Серия «Из истории логики XX века»

Асмус В. Ф. Логика.

Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики.

Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество.

Ахманов А. С. Логическое учение Аристотеля.

Пространство и время

Рейхенбах Г. Философия пространства и времени.

Рейхенбах Г. Направление времени.

Уитроу Дж. Естественная философия времени.

Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени.

Канке В. А. Формы времени.

Аксенов Г. П. Причина времени.

Эддингтон А. С. Теория относительности.

Бабанин А. Ф. Введение в общую теорию мироздания. (Relata Refero.)

Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории.

**Издательство
УРСС**

**(095) 135-42-46,
(095) 135-44-23,
urss@urss.ru**

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (095) 925-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (095) 203-8242)

«Москва» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. (095) 229-7355)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (095) 238-5083, 238-1144)

«Дом деловой книги» (м. Пролетарская, ул. Марxisстская, 9. Тел. (095) 270-5421)

«Старый Свет» (м. Пушкинская, Тверской б-р, 25. Тел. (095) 202-8608)

«Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (095) 939-4713)

«У Нептавра» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чапаева, 15. Тел. (095) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 371-3954)